

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ при ПРЕЗИДЕНТЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Карельский филиал (г. Петрозаводск)

«СВОЕ» И «ЧУЖОЕ» В КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА

*Материалы 9-й Межвузовской региональной научной
конференции (г. Петрозаводск, 21 марта 2013 г.)*

Петрозаводск
Издательство ПетрГУ
2013

ББК 63.5
С 252

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР:

В. М. Пивоев

«Свое» и «чужое» в культуре народов Европейского Севера: Материалы 9-й региональной межвузовской научной конференции (г. Петрозаводск, 21 марта 2013 г.) / под ред. В. М. Пивоева. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. — 88 с.

В сборнике публикуются материалы докладов на 9-й региональной межвузовской научной конференции, которая проведена в г. Петрозаводске 21 марта 2013 г. Доклады посвящены осмыслению процессов трансформации идентичности в условиях диалога культур на Европейском Севере.

© Петрозаводский университет, 2013

ВВЕДЕНИЕ

Очередная, девятая, научная конференция, посвященная осмыслению особенностей и закономерностей трансформации идентичности на основе диалога различных культур на Европейском Севере, проводится в нелегких условиях преобразования российской высшей школы, на которые накладываются процессы второго этапа модернизации экономики. С одной стороны, насущной задачей вузовского образования как и всей экономики является инновационно-креативное развитие, с другой — забота о повышении качества обучения школьников и студентов привела министерских чиновников на путь стандартизации. Между тем, очевидно, что задачи стандартизации являлись актуальными на первом этапе промышленной модернизации в начале XIX столетия, и насаждение сегодня этих программ противоречит инновационному развитию и тянет нас на два столетия назад. Имитируя шаг вперед, фактически, образование делает два шага назад. Одновременно, высшее образование все больше поворачивается спиной к гуманитарному знанию и лицом к прагматически ориентированному социальному и производственному технологизму в соответствии с выработанными на Западе программами бакалавриата.

Традиционным для нашей конференции является участие ученых разных научных специальностей, чтобы обеспечить трансдисциплинарность, рассматривание проблем диалога культур с разных точек зрения с использованием разных методологических подходов и программ, что позволяет взаимно обогащать друг друга. Доклады группируются вокруг следующих социальных и гуманитарных проблем: философская и религиозная антропология, литературоведение и лингвистика, музей- и архивоведение, история Севера, этнография саамов и проблемы развития Кольского региона.

В настоящей конференции принимают участие ученые Петрозаводских вузов, а также гости из соседней Мурманской области.

***В. М. Пивоев, зав. кафедрой
культурологии ПетрГУ***

ДЕФОРМАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЯН

Формирование идентичности россиянина происходит в основном в процессе социализации, однако в течение жизни происходит дальнейшее ее развитие и трансформация с учетом характера и обстоятельств жизни, образования и жизненного опыта. В настоящее время по ряду причин происходит разрушение традиционных качественных характеристик (кондиций) идентичности.

Среди важнейших причин и условий изменения представлений о себе и тех стандартных моделей, с которыми себя отождествляет человек, можно указать, во-первых, на историю, которая предоставляет ему такие образцы. Но если в угоду меняющимся идеологическим приоритетам регулярно переписывать историю, то у молодых людей формируется растерянность по поводу своего прошлого, являющегося базисом понимания себя. С изрядной долей иронии про нас говорят «друзья из-за рубежа», что Россия — «страна с непредсказуемой историей».

Во-вторых, огромное влияние на человека оказывает школьное и вузовское образование, стандартизация которого наносит огромный вред, создавая модель поверхностного, «одномерного» человека, послушного исполнителя, но не инициативного творца. В угоду технократическим иллюзиям разрушается гуманитарный компонент школьного и вузовского образования. Государство заинтересовано в стандартизации идентичности, поскольку одинаковыми людьми управлять легче и проще. Декларируя задачу инновационного развития страны, правительство с другой стороны поощряет саботирование решения этой задачи через формирование примитивной одинаковости («одномерности») молодых людей.

В-третьих, массовое искусство и культура, созданные в США профессионалами Голливуда, внушают современным подросткам, что все проблемы жизни можно решать очень легко и просто с помощью трех «волшебных» средств: кулак, доллар и секс. Массовое искусство насаждает стереотипы не только «своих» героев, но и «чужих» — это владеющие кунфу китайцы, небритые и пьяные, сорящие деньгами русские мафиози, латиноамериканские наркобароны, спасители мира — афроамериканцы; порнография и проституция здесь представлены как вполне «нормальный» бизнес (фактически направленный на рас-

тление молодежи), с помощью которого можно накопить капитал, а потом стать вполне уважаемым членом общества.

В-четвертых, религия оказывает большое влияние на традиционность идентичности, противостоя разрушительному воздействию массового искусства. Религиозная идентичность связана с осознанным выбором системы ценностей, определяющих его поведение. В религиозной традиции совесть определяется как «голос Бога в душе», поэтому федеральный закон «О свободе совести и религиозных объединениях» предоставляет гражданам право выбирать тот «голос» который будет «звучать» в его сознании и корректировать поведение в свете требований религиозной морали. Однако активизация в нашей стране деструктивных религиозных организаций, сатанизма, некрофилии и некромантии (молодежное движение готов) разрушает основы духовной культуры и традиционной идентичности. Некоторые пролагают, что традиционность тормозит модернизацию общества, но не всякая традиция является помехой, но только традиция послушания и безынициативности.

В-пятых, средства массовой информации в погоне за сенсациями и в борьбе за интересы публики увлекается смакованием сплетен, слухов, домыслов и разных «страшилок», пугая «концом света», падением метеоритов и другими возможными катастрофами.

В-шестых, Интернет стал кривым зеркалом, в котором отражаются все стороны жизни и интересы россиян. Не только важнейшие культурные ценности стали доступнее, но быстрее и легче можно получить и хамство, и бескультурье в непосредственном общении через чаты. В Интернет-контактах принято скрывать свою идентичность под вымышленными масками, «именами-никами», логинами, псевдонимами, с помощью которых обеспечивается анонимность и безответственность, иллюзия безнаказанности, создаются предпосылки для мошенничества и искажения реальности.

В-седьмых, миграционные процессы размывают традиционную идентичность, привнося в жизнь северян привычки и нравы южных краев, где взятка называется «уважением» и успех может достигаться «любой ценой», где соблюдение закона считается слабостью, а гордятся наличием родственников во властных структурах, которые могут «отмыть» любые прегрешения перед правоохранительными органами.

А какую роль в управлении идентичностью россиян играет государство? — Пассивную. Государство бросило на самотек этот вопрос, вот почему этим воспользовались не самые добросовестные силы из-за рубежа, преследуя при этом своекорыстные интересы ослабления и

разрушения духовно-патриотического сознания. Активизировались различные группы фашистского, экстремистского национализма, разжигая ненависть к «чужим», иным. Самый легкий способ формирования идентичности опирается на поиск «врага», «чужого», который не похож на «своего», а значит, подлежит уничтожению.

Нужна ли духовно-нравственная цензура в Интернете, телевидении или можно закрывать глаза на «естественные» проявления низкопробной антикультуры, китча и хамства во всемирной «паутине»? Не пора ли выработать духовно-нравственный кодекс, требования которого будут обязательными при выкладывании на всеобщее обозрение в сети каких-либо материалов или при участии в дискуссиях на форумах! Государство предлагает систему тотального электронного контроля и слежки за гражданами через универсальные электронные карты и систему видеонаблюдения и унифицированные электронные системы идентификации, полагая с помощью этих средств укрепление законности и правопорядка и создание правового государства. Но такие системы создадут легкие возможности для тоталитарной диктатуры, подавления инакомыслия и всех конституционных прав и свобод.

В европейской истории можно обнаружить смену доминантных ценностей, которые служили базисом идентичности:

1) *космоцентризм* (концепция, характерная для античного мифологизма и досократовской философии, когда пытались найти первоначало-архэ в фундаменте космоса, являющегося важнейшей ценностью миропонимания);

2) *теоцентризм* (важнейшая ценность — Бог; доминанта сформировалась в Средние века);

3) *антропоцентризм*, или гуманизм («человек есть мера всех вещей»; созрела в эпоху Возрождения, но стала подвергаться эрозии в начале XX века);

4) *техноцентризм* (технические знания — «волшебный ключ от любых дверей»; это представление в союзе со *сциентизмом*, начало созревать с рубежа XVIII — XIX вв. и сегодня занимает господствующее положение в общественном сознании);

5) *биоцентризм* («жизнь» как ведущая ценность, начиная с идей В. И. Вернадского, русских космистов, А. Швейцера, пытается потеснить техноцентризм, отвоевывая свое место в умах человечества).

В современной России управление идентичностью должно быть подчинено не интересам технократического господства и подчинения, но целям биоцентризма и духовного основания жизни. При этом важ-

нейшие кондиции (качественные характеристики) российской идентичности, на наш взгляд, должны быть такими:

- 1) религиозно-нравственная духовность;
- 2) креативность (творческая инициативность);
- 3) ответственность за себя и близких;
- 4) толерантность (уважение прав на иноидентичность);
- 5) милосердие и забота о жизни в любой форме;
- 6) патриотизм, любовь к своему Отечеству;
- 7) культура как фундамент идентичности и самоуважения.

В. Н. Сузи
(Петрозаводский университет)

ИДЕОКРАТИЯ И КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ

Как известно, социальные смуты начинаются с разрухи в умах. С кон. 70-х мы живем в состоянии оползня (от политики до науки), требующего смены мировоззрения. Вроде бы в 90-е уже перешли от декларируемого атеизма к признанию прав за религией, от *монологических* форм общения к *релятивистскому* его типу, от тотальности к демократии! Казалось бы, чего еще хотеть в условиях почти безраздельной свободы? Но произошла смена форм идеологий, а не мировоззрения, способа мышления. В основе своей мир и наше отношение к нему остались неизменны.

Сразу уточним, что речь идет о духовном и идейном кризисе в сфере идеократии. Идеократия — это *власть* идей, т.е. область *идеологии*, идеалистической, языческой безликости (а не личных идеалов, как иногда нам кажется). Понятие Идеи восходит к сфере безликих эйдосов Платона. Личность же, Лик (ипостась) Сына Божия несводимы к идее или учению, к Имени-знаку. И хотя Имя есть Бог, но Бог несводим к Своему Имени, как резонно считали афонцы-имяславцы вслед за свт. Григорием Паламой.

Идеи лежат на поверхности нашего сознания. А корни кризиса уходят в *девальвацию* духовно-нравственных ценностей. Любая идея сама по себе *внекачественна*; вопрос в том, КТО, КАК и ЗАЧЕМ ее использует. Значимость ее определяется нашим сознанием и ситуацией. Портятся не идеи — гниют и смердят души. Это относится ко всем временам, к нашему — в особенности!

Дарованный нам извне поверхностный *плюрализм* — отнюдь не свобода, а ее фикция. Механическое соединение противоположностей дробит целое на части, нося не органический, а насильственный характер; релятивизм тоталитарен и всеяден по своей природе. Потому требуется смена не идеологических установок, а — методов и способов мышления. Любой кризис имеет методологические истоки! Но куда легче менять взгляды, чем навыки и привычки, даже бытовые, тем более интеллектуальные! Даже утренний подъем требует усилия воли, преодоления инерции.

Любой кризис есть кризис идентичности, когда воля раздваивается в устремлениях, не тверда в выборе путей. Человек всегда пребывает в ситуации выбора. И здесь необходима перемена ума, очищение души через осознание своей ущербности как истока проблем и отвержение греха, т. е. покаяние. В основе кризиса мысли — лежит растление душ, духа. Как заметил Тютчев: «Не плоть, а дух растлился в наши дни...»

В основу мироздания Творцом заложен личностный элемент, антропологическая доминанта. Гераклит говорил: в начале мира лежит РАЗДОР, *война всех против всех* (по формулировке Т. Гоббса); война с другим, с собой, состояние безлюбия, названное Достоевским — адом души; это он сказал о нас. Сартр заметил: «Ад — это другой». Аскет поправит: «каждый сам себе — ад» (вспомним Есенина: «Неужель под душой упадаешь, Как будто под ношею?»).

Потому основу любой морали составляет пожелание равновесия, покоя: Мир вам!

Причина кризиса идей, думается, скрыта в позитивистском (квазинаучном рационализме) и лже-духовном (идеализме и спиритуализме) подходах, в ложном выборе объекта и цели, в подмене лица — ролью, маской, функцией, Лица — идеей, в *опредмечивании, отчуждении* личности от себя. Различноствление, *расподобление* — основа нынешней *паганизации*, неоязычества — это и провоцирует метастазы кризиса. *Различноствление* — иной модус *развоплощения* образа Христа, присущий гностике, Ренессансу, романтике, модерну (например, в «Двенадцати» А. Блока). Но проблема воличноствления, *воипостазирования* души (ее самореализации) — тема отдельного большого разговора.

Рассмотрим бегло лишь один аспект нынешнего социально-политического положения: отношения Церкви и государства. Вспомним, как все начиналось 20—25 лет назад. Какие были ожидания перемен, нового! Много было трудностей, преодоление инерции в себе; но было и вдохновение, вера в одолимость препятствий. Да, за это время

было построено и восстановлено, возвращено большое количество храмов; в них пришло новое поколение верующих. Образовались приходы, изменился их состав и качество веры. Но не погас ли энтузиазм? Не формализовалось ли наше отношение к Богу? Ведь Церковь не в бревнах, а в ребрах! Как и почему, в силу чего происходит *угашение духа*, попробуем разобраться.

В основе любой религии лежит древняя идея теократии, Божественного управления миром, напрямую или посредством людей. Но нашим оппонентам-прогрессистам высшей формой управления представляется демократия. Как же соотносятся эти две идеи? В жизни мы часто видим их пересечение, иногда — временный компромисс. Дело в том, что теократия есть духовный принцип, а демократия — принцип политический, исторический; они соотносимы как вечное и условное. Формы политического правления (например, республика, монархия) тоже исторически преходящи. Потому было бы ошибкой жестко связывать формы политического правления с конфессиональными особенностями (например, православие — с самодержавием). Их *симфония* (как это было в Византии), через бытийный принцип *христоцентрии*, возможна, но весьма затруднена. Не будем забывать, что Церковь Христова — *не от мира сего!*

Иначе в одном случае мы получаем *цезарепатизм*, а в другом — его оборотную сторону — *папоцезаризм*, две формы искажения идеи теократии. Обе идеи есть проявление сугубо римской ментальности, *объединявшей религию и государство* (в отличие от германской; например, варвары-готы власть и культ разводили, будучи безразличны к формам верований, считая их сугубо личным делом. Их особенность была в их сплочении военным успехом, интересами рода и племени, крови и плоти, а не единством духа.

Тем не менее, политическая идея Империи и теократическая идея Церкви созвучны. Общность их — в стремлении к единству, единоначалию, Монархизму. А различие в том, что одна подчинена идее Личности Богочеловека, другая — идее Закона, олицетворяемого личностью человеко-бога, императора. И, тем не менее, эти две полюса — изначально языческий и исконно христианский, единства власти духа и плоти (ибо Лик и есть их единство, воплощение Духа) — лежат в основе европейской истории, культуры и цивилизации. Их симфония и синергия равно неизбежны и невозможны. И можно бесконечно изучать перипетии и нюансы этой мировой Драмы личности Бого-человека и человечества. Так принцип христоцентризма (разрешая противоречия теоцентрии и антропоцентрии), Теофании (а следом, и отвергаемый

принцип европоцентризма) предстает онтологическим принципом миротворчества и домостроения. И нарушение динамического равновесия ценностно-иерархической структуры в какую-либо сторону чреват катастрофой.

Вот почему идея империи и церкви парадоксально манила русских гениев, начиная с Ломоносова, Державина и Пушкина, этого «певца империи и свободы» (по Г. П. Федотову), вплоть до О. Мандельштама, А. Ахматовой, Б. Пастернака. Они ею искушались, ею же и исцелялись.

Но это тема иного разговора, уводящего в тонкости исконного единства богословия и филологии, философии культуртрегерства и пневмо-творчества (но не их смешения).

Проблемы же геополитики и историософии предоставим решать менее созерцательным и более активным натурам.

Д. И. Воронин
(Петрозаводская консерватория)

«ЛОГОС» И «МЕЛОС» В ФИЛОСОФИИ: ПРОТИВОПОЛОЖНОСТИ ИЛИ ЕДИНСТВО?

С момента формирования философии, как самостоятельной формы мировосприятия, она стремилась освободиться от элементов, связывающих ее с мифом. Одним из таких элементов была образно-художественная форма объяснения мира, противоположная рационально-логическим принципам, захватывающим философское мирозерцание. Эмоционально-образное отношение к миру наиболее полно выражено в понятии «melos», на первый взгляд принадлежащем к музыкальному искусству, к самой сути музыки. Но в греческой традиции мелос — это выражение высшего синтеза мелодии, слова (logos) и пластики, их единства и неразрывной связи, благодаря чему и может быть схвачена и выражена совершенная гармония и последовательность космоса. Именно поэтому первые греческие мыслители облекали свои идеи в поэтическую форму, не чуждую своеобразной мелодичности и образности выражения. Не случайно греческий термин «musikos» обозначает не музыканта, а человека, которому покровительствуют музы, который знает и может воплотить высшие принципы гармонии, единые для всего универсума.

Однако, довольно скоро органический синтез мелоса и логоса распадается; мелос отходит к сфере искусства — образного, чувственного,

несовершенного начала, а логос к сфере рациональной, абстрактной, понятийно-логической, доминирующей в науке. Так, уже пифагорейцы, создавая основы теории музыки, рассматривали принципы музыкальной гармонии, как частный случай воплощения универсальных закономерностей, основанных на абстрактных, математических понятиях. Гармония, выраженная в числах и понятиях, постигаема только разумом, имеющим преимущество перед чувственно-конкретным познанием. Вслед за пифагорейцами, Платон также придает музыке весьма ограниченное значение, что определено его отношением к миру вещей. Музыка, для него, всего лишь слабое отражение совершенного мира идей, подлинного бытия, подвластного только разуму. И если истинное бытие постигается исключительно разумной частью души, то музыка взаимодействует с более низкой, животной (страстной) частью души человека. При этом необходимо отдать должное Платону и другим греческим мыслителям, указывающим на важное значение музыки в формировании человеческого этоса (а по Платону и высоких гражданских качеств).

Эпоха средневековья, во многом, является продолжением возникшего в античности противоположения между мелосом и логосом. С одной стороны идеи пифагорейцев через Аристоксена, Птолемея, Боэция и др. стали базовыми рационально — математическими концепциями, объясняющими гармонию, но гармонию уже божественную, гармонию единого. Так средневековое, христианское пение (особенно периода Патристики) было одноголосным, что рассматривалось как символ единого Бога и единой Церкви. Церковные песнопения имели в своей основе простую, короткую мелодию — распев (мелос), который имел подчинённое положение к слову (логос). Молящегося человека ничто не должно отвлекать от общения с Богом, ни излишне красивая и захватывающая мелодия, ни, тем более, инструментальная музыка, возбуждающая страсти и находящаяся, практически, под запретом. Но, в христианском мире «логос», по своей сути, радикально отличается от античного его понимания и если в античности логос — это выражение рациональных принципов необходимости, последовательности, детерминизма, то в средневековье — это божественная воля, премудрость, закон. Божественный логос не познаваем рационально, он постигается иррациональным началом души — верой.

Апогей рационализации формы и эмоционального наполнения музыкального произведения приходится на эпоху Нового времени. Развитие естественных наук и математики, в этот период, повлияли не только на философию, но и на искусство. Уверенность в разумности миро-

вого устройства, в универсальности закономерностей действующих во всех областях бытия, представления о наличии совершенных форм и гармонии, имеющих строгое математическое выражение, становится основой для формирования наукообразной философии и классицизма в искусстве. Идеи Р. Декарта, Б. Спинозы, М. Мерсенна, Г. Лейбница не только позволили объяснить физическую природу звука и математически обосновать музыкальную гармонию, но и поставить в зависимость от внешнего воздействия на наши ощущения, уровень и сущность аффективных состояний души, тем самым механистически трактуя человеческие эмоции. Мелос снова отходит на задний план, а доминирует ясная, строгая, математическая форма и рациональная гармония, подчиненные жесткому контролю разума. Музыка превращается в строгую систему, подчиняющуюся правилам инструментовки, где звуки становятся не целью, но средством, выражающим определённую спекулятивную идею.

И только во второй половине XIX века логос и мелос перестают противопоставляться друг другу, как в философии, так и в музыке. А. Шопенгауэр и Ф. Ницше дают толчок для принципиально нового взгляда на сущность бытия, во всех его формах и способы его постижения. Иррациональное, волевое начало, отчужденное от строгой логическо-рефлексивной системы, не подчиняется законам разума, не может быть математически просчитано, не ограничено заданной формой. Воля выражает непосредственно жизненное, хаотическое, недетерминированное, аффективное, «дионисийское» начало. Именно оно приближено к архаическому мелосу, лишённому математической структурности и подчиняющегося только чувственным порывам, которые разворачиваются во времени без обращения к принципам причинности и последовательности. Но, разум с его систематикой не исчезает вовсе, он используется Волей как инструмент, структурирующий изначальную хаотичность, для создания у человека иллюзии последовательности и предсказуемости бытия. Иррациональная философия даёт сопряжение мифопоэтического образа, философского логоса и «мелоса», соединяя сиюминутную звучащую образность с рациональным «текстуальным» понятием. Такого рода мелос, вторгается в философский дискурс в творчестве М. Хайдеггера, Т. Адорно, Х. Ортега и Гассета, К. Леви-Стросса, А. Лосева, Н. Бердяева, А. Белого, Э. Ильенкова и др. Философия и музыка XX века возвращают нас к изначальной, архаической сущности «мелоса», объединяющего в себе нетождественные, но не противоречащие друг другу принципы постижения бытия.

М. В. Лукашевич
(Петрозаводский университет)

КОНЦЕПЦИЯ СИНЭРГИЙНОЙ АНТРОПОЛОГИИ С. С. ХОРУЖЕГО: «ТЕЛЕСНОЕ» И «ДУХОВНОЕ»

Специфика гуманитарного подхода к человеку принципиально отличается от естественнонаучного или социального. Естественное знание изучает только «тело» человека, не обращая внимания на его дух и душу, социальные науки не особенно обращают внимание на тело, их интересует в человеке типичное, стандартное, что включает его в социальные группы, при этом ведущим началом является «душа». Гуманитарные науки обращают внимание главным образом на уникальную неповторимость сочетания тела, души и духа, при этом ведущую роль играет «дух», затем «душа» и лишь в третью очередь — «тело».

Вопрос о природе человека сегодня, в XXI веке, не теряет той актуальности, которую получил еще в XX веке, когда Макс Шелер объявил об антропологическом кризисе. Для того чтобы выйти из этого кризиса и найти ответ на вопрос «что собой представляет человек?» в конце прошлого века С. С. Хоружим было предложено новое направление отечественной науки — синергийная антропология. Сегодня необходимо проанализировать природу человека, чтобы выявить возможные опасности и риски, поскольку многие глобальные проблемы идут от самого человека (имеют антропологическую основу), а также необходимо предложить новые пути для развития возможностей и способностей человека.

С. С. Хоружий — уникальная фигура в Российской гуманитарной науке: доктор физико-математических наук, который по определению должен бы быть материалистом и рационалистом, является одним из крупнейших специалистов по исихазму, центральному учению в православном мистицизме. Его библиография, посвященная исихазму¹, насчитывает 10 306 источников. Сегодня он является директором Института синергийной антропологии.

В основе его концепции человека лежит стремление обнаружить основу мистического преображения и роль при этом телесных чувств. Опасаясь впасть в вульгарный физиологизм и психологизм, он ищет аналогии в Восточно-христианской духовной практике.

¹ Исихазм: Аннотированная библиография / под ред. С. С. Хоружего. М., 2004. 912 с.

Синергийная антропология — новое, трансдисциплинарное направление, которое объединяет методы разных наук (философии, социологии, психологии, лингвистики и др.), чтобы получить более полное, разностороннее неклассическое представление о человеке. Слово «синергийная» восходит к понятию синергии, которое в средневековой Византии обозначало «согласованность действия, соединение разноточностных энергий — Божественных и человеческих»².

Почему рассматривается именно духовный уровень? Хоружий полагает, что конституция человека (структуры его личности и идентичности) формируется именно в духовной практике³. Он рассматривает духовные практики как процесс объединения энергий человека с божественной энергией, тем самым он утверждает энергийную природу человека. Классические антропологические модели (основанные на учении о человеке Аристотеля, Р. Декарта, И. Канта) пытались выделить в человеке определенную сущность, основу, они рассматривали человека как субъект и субстанцию, Хоружий же полагает, что человеку нельзя сопоставить никакой сущности, можно говорить только о существенных характеристиках человека, конституируемых определенными энергиями. В синергийной антропологии человек предстает как энергийная формация⁴.

В работах Хоружего заметно его несогласие с дуалистической антропологией, четким разграничением души и тела, которое идет от традиции орфизма и неоплатонизма. В неоплатонизме утверждается противопоставленность тела и души как низшего и высшего начал. Телесное, низменное, плоть и материя — все это должно быть исключено из духовного процесса. Поскольку цель духовного процесса — достижение и постижение Первоединого, который является началом всех вещей и занимает высшее первое место, то человеку не следует переходить с высшего порядка вещей на нижний. Нужно отказаться от всего внешнего, от чувственных вещей, от внешних чувств, и созерцать Первоединого только душой, которая становится единым целым с умом. Таким образом, в неоплатонизме собственно человеком считается только душа — высшее и разумное в человеке. Тело же — чужое, постороннее, это животное, с которым соединена душа, которая прохо-

² [Электронный ресурс].— Режим доступа: http://synergia-isa.ru/?page_id=3595/

³ Хоружий С. С. От синергийной антропологии к социальной философии, или диалог с Максом Вебером // Новые методы в решении фундаментальных проблем социальной философии: синергийная антропология. Казань, 2009. С. 11.

⁴ Хоружий С. С. Современная антропологическая ситуация в свете синергийной антропологии. [Электронный ресурс].— Режим доступа: http://synergia-isa.ru/?page_id=3602/

дит путь восхождения, пусть познания одна, без участия тела. Во время прохождения Пути происходит бесстрастное созерцание форм, без использования внешних чувств, только духовными чувствами, которые являются частью ума. Весь Путь души в неоплатонизме — интеллектуальный процесс. Духовные чувства не имеют связи с физическими чувствами, однако есть сходство, параллелизм их устройства («принцип подобоустройства» чувственного и ноуменального миров Платона).

Хоружий же считает, что не только душа, но и тело тоже принимает участие в духовной практике и претерпевает трансформацию. Он обращается к традиции исихазма, в которой духовная практика описывается иначе, чем у неоплатоников. Палама говорил: «Тело вместе с душой переустраивается и проходит духовное поприще»⁵. В духовной практике исихазма очень важную роль играет «отверзание чувств» — появление «умных чувств» или духовных чувств, с помощью которых человек сможет общаться с Богом. Однако, в отличие от традиции неоплатонизма, эти чувства не отграничиваются от внешних, телесных чувств, а используют их в своей работе. Телесные чувства проходят трансформацию — расширяются и усиливаются.

Г. Палама выделял три вида постижения: 1) чувственный или физический, внешний уровень; 2) интеллектуальный или внутренний; 3) мистический или сверхприродный. Последний уровень преодолевает оппозицию первых двух уровней, он словно объединяет внутреннее и внешнее, и одновременно выходит за их пределы. Человек, занимающийся духовной практикой, видит Божественный свет не физическим зрением (телом), и не чистым умом (душой), как в неоплатонизме, а скорее духом, причем с его человеческим состоянием соединяется сила Святого Духа (благодать), которая и дает ему новые возможности для постижения того, что недоступно человеку. Происходит синтез чувств, «синэстезис», а также соединение энергий — синергия.

Таким образом, на примере практики исихазма С. С. Хоружий рассматривает процесс духовного совершенствования человека как превосхождения им своей природы через соединение его внешних, телесных и внутренних, духовных энергий с божественной энергией.

⁵ Хоружий С. С. Заметки к энергийной антропологии. [Электронный ресурс].— Режим доступа: <http://psylib.ukrweb.net/books/horus01 / txt07.htm>

СИМВОЛЫ РУССКОГО СЕВЕРА В ФИЛОСОФИИ КОСМИЗМА

Регион Русский Север является одним из самых значимых культурно-символических центров России, включающий Поморье и современную Карелию с древними мифологическими ландшафтами, сохранившими следы вулканической деятельности и влияния космоса. В настоящее время философия космизма является актуальной темой в связи с рассмотрением вопроса о перспективах дальнейшего развития человечества, путях выхода из глобальных проблем, порожденных деятельностью людей на Земле, поиска нравственных ориентиров, преодоления кризисных явлений культуры, осознания путей достижения единства человеческого сообщества. Предыстория освоения космоса в России связана с именем великого русского религиозно-утопического философа Н. Ф. Федорова, являющегося автором религиозно-утопической «философии общего дела». В качестве одной из конкретных мер по реализации своих идей Федоров предлагал перенести столицу Российского государства на Север, в район полуострова Рыбачий. Философская мысль Федорова призывала к регуляции природы, выходу за пределы Земли и овладению космосом. Согласно определению Н. Ф. Федорова, космизация земной жизни является необходимым условием «общего дела» — всеобщего воскрешения предков — бессмертия, вследствие чего человечество сможет избежать конца мира и Страшного суда.

Исследуя вечную мерзлоту Севера, П. А. Флоренский определил ее как символ хранилища вечности и сравнивал ее с состоянием души человека: Он считал, что мерзлота, как тройной символ — природы, народа и личности, таит в себе силы разрушительные и творческие. По мнению Флоренского, вечная мерзлота разрушает, когда ее начинают «обживать» и «освоять». То же самое происходит и с душой человека, в которой, прикрытые мерзлотой таятся горечи, обиды и печальные наблюдения прошлого. Но не надо копаться в ее недрах. Мерзлотная бодрость дает силу справиться с разрушающими силами хаоса. В строчках поэмы П. А. Флоренского «Оро» чувствуется космизация образа мерзлоты и ледяное дыхание космоса.

Творчество одного из выдающихся русских мыслителей XX в., художника, писателя, археолога Н. К. Рериха связано с Карелией: Западным Приладожьем и Валаамом. Летом 1907 г. Н. К. Рерих путешествовал с семьей по Карелии и Финляндии. В декабре 1916 г. он поселился

в Сортавале и провел в Приладожье более двух лет. В цикле легенд о Шамбале Рериха нашла отражение реальность космической эволюции человечества. Идея поисков «легендарной Шамбалы» родилась у Н. К. и Е. И. Рерихов во время их пребывания в Карелии. К карельскому периоду относится картина Н. К. Рериха «Карелия. Вечное ожидание», написанная в 1917 г. Это картина — символ. На переднем плане изображена маленькая избушка без окон и с необычным по форме замком, четыре фигуры: одна женская и три мужских, напряженно вглядывающихся в даль, в сторону озера. Людей окружают высокие синие скалы с фантастическим темно-розовым растением. Среди мчащихся пестрых облаков пробиваются солнечные лучи. Люди ждут вестей, ждут Знака из другого, «чужого» мира, скрытого за высокими скалами. Можно предположить, что четыре фигуры на картине — это Н. К. Рерих, его жена Елена Ивановна и два сына. Тему «вечного ожидания» Рерих повторил в картине «Ждущая» (1941), написанной в Индии. Сильное впечатление на всю семью Рерихов оказало посещение Валаамского монастыря. Философская мысль Рериха, его эстетические взгляды на отношение человека к окружающему его миру выражены мыслителем не только в его живописных полотнах карельского периода, но и в повести «Пламя», написанной в сентябре 1918 г. «Пламя» — автобиографическая повесть, сюжет которой основывается на определенных фактах жизни Рериха. «Пламя» ставит вопросы о нравственном измерении поступков человека. Рерих воспевае красоту повседневной жизни человека, окружающей его суровой природы, свою любовь к «острову». Призывом ко всему человечеству звучат его слова: «Вообще помни о Севере. Если кто-нибудь тебе скажет, что Север мрачен и беден, то знай, что он Севера не знает. Ту радость и бодрость и силу, какую дает Север, вряд ли можно найти в других местах. Но подойди к Северу без предубеждения. Где найдешь такую синеву далей? Такое серебро вод? Такую звонкую медь полуночных восходов? Такое чудо северных сияний?»¹. «Пламя» — это повесть о Валааме, который стал для Рериха символом природы Севера, Храмом, где могут сохраняться «достижения культуры нашей расы», «Тайником знания», где возможно «Великое творчество». По мнению сардовальского пастора Самуила Алопеса, описавшего Корелию, Валаам в древние времена населяли номады (кочевые народы — *Л. М.*). Жили они в пещерах. Иноки случайно находили высеченные знаки². Мифический сюжет мы видим и в кар-

¹ Рерих Н. К. Избранное. М., 1979. С. 56.

² Валаамский монастырь и его подвижники. СПб., 1903. С. 2.

тине Н. К. Рериха «Святой остров» (1917), посвященной одному из островов Валаамского архипелага, известного также как «Старый Валаам». На картине изображен остров, лишенный какой либо растительности. В изрезанной трещинами скале просматриваются лики, напоминающие нам изображения древних языческих богов. С левой стороны к острову подходит ладья с двумя старцами. Очевидно, это основатели мужского православного монастыря на Валааме преподобные Сергей и Герман. В действительности остров Святой — это высокая скала, поросшая вековым лесом. Предполагается, что именно здесь первоначально был основан монастырь, который позднее монахи перенесли на главный остров Валаамского архипелага — Валаам, ставший для них избранным. Изображенный Рерихом на картине остров созвучен его описанию острова в повести «Пламя», где в рассказе Рериха присутствует также бинарный архетип.

Философия Рериха, его эстетические взгляды на взаимоотношения человека и Мира, космизм его творчества близки философской мысли Ф. И. Тютчева, который ощущал себя частицей мира, все чувства и настроения человека и в целом жизнь он воспринимал как проявления самой природы, космоса. Природа Тютчева живая, полна страстей и чувств.

С. Л. Франк писал о «космических» идеях в творчестве Тютчева, о том, что целостная художественная жизнь воспринимается им как жизнь самой природы, самих вещей. И даже там, где темой художественного изображения служат явления личной внутренней жизни, они воспринимаются как проявления в душе человека жизни и чувства космоса³. Поэтому, мы думаем, что природа Валаама не могла не оставить свой след в душе поэта-мыслителя. 10 августа 1850 г. Тютчев вместе с дочерью Анной и Еленой Денисьевой, совершил путешествие по Ладожскому озеру на острова Валаам и Коневец. На обратном пути их застала гроза на Ладоге и они простояли на якоре всю ночь. Тютчев написал стихотворение, датированное 12 августа 1850 г., в котором у «непогоды» есть «дыхание», а «пасмурно-багровый вечер» и «светит радужным лучом», и «сыплет искры золотые», и «сеет розы огневые», и «обрывает свой венок». Стихотворение является примером бинарной оппозиции Хаос — Космос, характерной для поэзии Тютчева. По мнению В. С. Соловьева, хаос — это отрицательная беспредельность, зияющая бездна всякого безумия и безобразия, демонические порывы,

³ Франк С. Л. Космическое чувство в поэзии Тютчева // Ф. И. Тютчев: pro et contra. Санкт-Петербург, 2005. С. 286.

восстающие против всякого положительного, это глубочайшая сущность мировой души и основа всякого мироздания. Так и у Тютчева, опасная и темная стихия зависит от хаоса, противопоставленного земной красоте:

Один из выдающихся художников современности, младший из группы «Амаравелла», Борис Алексеевич Смирнов-Русецкий, неоднократно встречался с Н. К. Рерихом, беседы с которым ознаменовали новый поворот в духовной эволюции молодого живописца. Особое место в творчестве Б. А. Смирнова-Русецкого занимает Карелия, которую он впервые посетил в 1931 году. Первое карельское путешествие Смирнов-Русецкий посвятил в основном Заонежью, где на пути от Кузаранды до Медвежьей горы он создал много картин. На полотнах художника изображены живописные виды Онего, облака, ели, часовни, острова, валуны. В 1967 г. Смирнов-Русецкий впервые увидел Сортавалу и остров Валаам. Об этой встрече мастер мечтал многие годы, ведь здесь два года жил его учитель Н. К. Рерих. Почти каждый год художник приезжает в Карелию. На его полотнах: в холмах, скалах, озерах, северных закатах ярко выражена философия северной природы: мера, гармония, совершенство. Циклы «Космос», «Север», «Острова в пространстве» являются художественно-философскими эпопеями о преобразующей и объединяющей силе Красоты и о глубинной взаимосвязи Макро- и Микрокосмоса.

Таким образом, в трудах русских философов и ученых-мыслителей рассматривались проблемы единства человека с космосом, космической природой человека, неразрывно связанного со всеобщей духовной субстанцией. Онтология Русского Севера, выраженная символами Земной жизни, представлена в творчестве философов-космистов, как отражение многомерности пространства и множественности миров, как неземная реальность — Космос, где Полярная звезда является неподвижной осью мира, его центром.

А. М. Пекина
(Петрозаводский университет)

НОВЫЙ ВАЛААМ

Финляндия в 1809—1917 гг. входила в состав Российской империи как Великое княжество Финляндское, которое пользовалось автономией. Остров Валаам находился с 1811 по 1917 г. на территории Фин-

ляндского княжества. После обретения независимости Финляндией остров отошел к Финляндской метрополии. Согласно преданию, Спасо-Преображенский Валаамский монастырь был основан в XII в., однако, большинство исследователей считают временем основания XIV в.

В книге «Православие в Карелии, прошлое и настоящее», вышедшей в 1984 г. под редакцией В. Пурманена авторы пишут: «Старый Валаамский монастырь был оккупирован войсками Советского Союза вскоре после внезапного начала Зимней войны» (пер. автора)¹.

По финским источникам, в 1939 г. во время зимней войны, сто девяносто монахов из Валаамского монастыря в Карелии были эвакуированы из их старого местожительства на группе островов в Ладожском озере в провинции Виипури. А в журнале «Наука и религия» за 1992 г. Н. Корнилова пишет о двухсот пяти монахов, послушников и работников монастыря, которые перешли с острова Валаам на территорию Финляндии в 1940 г.². Монахи опасались преследования со стороны Советской власти, которая проводила политику атеизации населения и преследования священнослужителей. Президент Финляндии с 1937 г. Кюости Каллио предложил монахам приобрести бывшую усадьбу министра внутренних дел Папинниemi, расположенную в местечке Хейнавеси. Решение о покупке было принято, когда при осмотре одной из комнат усадьбы неожиданно была обнаружена небольшая икона преподобных Сергия и Германа Валаамских. В настоящее время постройка 1840 г. «дом Папинниemi» находится на реставрации из-за случившегося пожара в марте 2012 г. К. Каллио успел организовать мероприятия по принятию решений в отношении вынужденных переселенцев-монахов. Война с СССР 1939-1940 гг., испытания, выпавшие на долю страны, подорвали здоровье президента, который умер на перроне железнодорожного вокзала в Хельсинки.

Во время Второй мировой войны 1939-1945 гг. печальная участь постигла и Трифонов Печенгский мужской монастырь, основанный еще в 1533 г. на Кольском полуострове. Древняя церковь во имя Бориса и Глеба на реке Паз (Патсойоки), построенная преподобным Трифоном в 1565 г., сгорела при наступлении Советской армии. Коневецкий монастырь конца XIV века с 1917-1940 гг. был действующим, так как остров Коневец, расположенный в юго-западной части Ладожского

¹ Ortodoksinen kirkko Suomessa (The Orthodox Church in Finland) / ed. by Fr. Ambrosius and Markku Naapio. 1979. P. 287; Orthodoxy in Finland, Past and present /ed. by V. Purmonen. 1984 P. 41.

² Корнилова Н. Валаам в Финляндии // Наука и религия. 1992. № 2. С. 29-33.

озера принадлежал Финляндии. К 1932 г. в обители оставалось 75 человек. Игумен с 1930 г. Маврикий (Сережин) был связным генерала К. Маннергейма, который посещал Коневецкий монастырь. После начала советско-финляндской войны часть монастырской утвари была вывезена в Финляндию, но иконостас и колокола остались. Но уже 12 октября 1939 г. был прекращен колокольный звон. Монахи выехали с острова, но часть иноков в 1941 г., после начала Великой Отечественной войны вернулись. В июне 1944 г., когда остров отошел СССР, 32 инока навсегда покинули родные места и обосновались в усадьбе Хиекка коммуны Кейтеле в Финляндии. Монахи бежали в Финляндию, боясь репрессий. В 1956 г. девять из оставшихся монахов Коневецкого монастыря переехали в Ново-Валаамский монастырь.

В 1911-1939 гг. в Валаамском монастыре действовал музей, именованный Валаамским древлехранилищем. Монахам, покинувшим свои обители, удалось увезти с собой литургические принадлежности, книги, личные архивы, иконы. Так, были вывезены подлинники — чудотворные Валаамская икона Божией матери и Коневская икона Божией матери, — которая была принесена в Россию с Афона еще в 1398 г. Автора поразила одна из икон, посвященная образу святого Александра Невского. На ней Александр Ярославич изображен не в монашеском одеянии, а как князь-воин в доспехах. Слева от него лежит княжеская шапка, детализированно выписанная неизвестным иконописцем. Среди прочих икон, эту вынесли во время пожара из «дома Папинниemi». На о. Валаам, в Спасо-Преображенской церкви, находятся списки чудотворных икон. В монастыре в Хейнявеси хранится собрание пейзажной живописи, среди которых три работы И. Шишкина. Картину «Императорская фамилия на яхте «Александрия» в Никонской бухте на пути в Санкт-Петербург 28-го июня 1858 г.» и другие можно посмотреть на выставке в культурном центре Нововалаамского монастыря, которая проходит с 01.05.2012-21.04.2013. Пейзажная коллекция из работ таких художников как Ивана Давыдова, Александра Гине, Льва Каменева, Петра Балашова позволяет судить о роли Валаамской школы XIX в. в развитии пейзажной живописи в России. Валаамская портретная галерея насчитывает почти 70 полотен, на которых изображены епископы, члены императорской фамилии, игумены и подвижники монастыря.

Монастырская библиотека Нового Валаама имеет самое большое в Западной Европе собрание православной литературы. Во время эвакуации с Валаама монахи вывезли на территорию Финляндии 20 тысяч томов. Из них 15 тысяч томов находится в книжном собрании Славян-

ского фонда Хельсинкского университета. В Ново-Валаамском монастыре находятся пять тысяч книг из этой коллекции, а также обширный архив, который на 29.12.2012 г. насчитывал двадцать тысяч единиц хранения. Он помещен в специально построенное здание библиотеки, куда существует свободный доступ. Сейчас библиотечный фонд насчитывает тридцать три тысячи книг. На одной из полок внимание привлекли тома «Жития святых на русском языке» — «Житія святыхъ, на русскомъ языкѣ изложенныя по руководству Четыхъ-Миней св. Димитрія Ростовскаго съ дополненіями, объяснительными примѣчаніями и изображеніями святыхъ». (М.: Синодальная Типографія, 1903). В предисловии читаю: «Означенную книгу, въ особливомъ переплете... г. Оберъ Прокуроръ имѣлъ счастье поднести Государю Императору, при семь доложить Его Величеству, что предпринятое Московской Синодальною Типографіею издание ведется ...при участіи профессора русской исторіи Ключевскаго». Полкой ниже: «Азбука для обучения отроков церковному и гражданскому чтению. Изд. 10-е. СПб.: Синодальная типографія, 1904» (совр. транскрипция). Именно по такой азбуке училась моя бабушка в церковно-приходской школе, поэтому всю жизнь писала красивым почерком и хорошим слогом. Одно из изданий А. Д. Ступина 1908 г. дает полный список всех 1105, существующих в 75 губерниях и областях России, мужских и женских монастырей, архиерейских домов и женских общин. Издание имеет 110 рисунков в тексте и карту монастырей. Библиотечный фонд пополняется богато иллюстрированными изданиями РПЦ на русском языке по истории русской культуры, русской православной церкви, истории дома Романовых. Читатель может ознакомиться с репринтным воспроизведением издания 1905 года «Иконография Господа Бога и Спаса Нашего Иисуса Христа» профессора С-Петербургского университета и старшего хранителя императорского Эрмитажа Н. Кондакова.

Журналы и газеты на русском, английском, греческом языках регулярно поступают в библиотеку. Так, например, газета Православного культурно-просветительского центра «Свет Валаама», Вестник Германской епархии русской православной церкви за границей №4 за 2012, посвященный памяти о Бородинском сражении 1812-1912-2012 гг. и др.

Картины, на которых изображены русские императоры: Петр I, Павел I, Александр II, Николай II можно увидеть в трапезной Нового Валаама. В свое время они были преподнесены в дар представителями династии Романовых, побывавших в разное время на Валааме. Там же, как в музее, выставлена и коллекция русских самоваров, которые были

изготовлены в Туле в дореволюционный период. На одном читаю: «Паровая самоварная фабрика Василия Григорьевича Тулякова в Туле» (совр. транскрипция). Сейчас только на старых фотографиях из фондов или книг можно увидеть чаепитие монашеской братии из таких тульских больших самоваров.

В г. Куопио (Финляндия), где находится единственный в Западной Европе музей Православной Церкви, хранятся святыни, вывезенные с Валаама в 1940 году: рака преподобных Сергия и Германа, Евангелия. Евхаристический набор, подаренный Александром I. Большая часть коллекции музея относится к XVIII—XIX столетиям, а самые старые вещи к средним векам. Многие экспонаты попали в музей из карельских монастырей во время Второй мировой войны. После окончания войны, когда часть Карелии отошла СССР, возвращать предметы не было необходимости. Именно на их основе и был создан православный музей. В музее можно увидеть предметы литургического облачения, образцы убранства ручной работы с применением приемов древнерусского прикладного искусства, множество икон, многие из которых представляют довольно редкую ценность. С 2011 г. по настоящее время музей находится на реставрации.

В 1940 г. были вывезены и четырнадцать старинных колоколов, чей звон приветствует и сегодня монахов, трудников, прихожан и гостей Нового Валаама, созывая их на службу. Во время Пасхи, по традиции, в течение пасхальной недели, любой желающий может подняться на колокольню и попробовать себя в звонарском искусстве. К сожалению, из-за политических событий главный колокол «Андрей Первозванный», который был отлит в Санкт-Петербурге в 1873 г., был уничтожен. Только в 2005 г. на звоннице Спасо-Преображенского собора Валаама Святейшим Патриархом РПЦ Алексием II был освящен новый колокол весом более десяти тонн в честь апостола Андрея Первозванного. И сегодня его голос можно услышать.

В настоящее время на Новом Валаама действует григорианский календарь, так как финская православная церковь в 1921 г. перешла на новую систему летосчисления. Валаам, находившийся в то время на территории Финляндии, также обязали с 1924 г. перейти на новый стиль. Проблема летосчисления разделила братию на две группы. Часть братии новый стиль не приняла. В настоящее время на российском Валаама действует юлианский календарь, поэтому Рождество, Пасха отмечаются в разное время.

С 1945 по 1957 г. Ново-Валаамский монастырь находился в юрисдикции Русской Православной Церкви, затем Ново-Валаамская обитель была передана Финской Церкви.

7 мая 1957 году митрополит Коломенский и Крутицкий Николай в соответствии с решением Синода Русской православной церковью (РПЦ), подписал постановление о восстановлении молитвенно-канонических отношений между РПЦ и Финляндской Православной Церковью, которую Московской Патриархии пришлось признать в своем статусе (как автономия в юрисдикции Константинопольского патриархата). Монахам предлагалось переехать в русские монастыри на территории СССР. Вначале желающих сделать это набралось двадцать четыре человека. Но, в конце концов, в СССР отправились семь монахов. Они обосновались в Псково-Печерском монастыре. В Новом Валааме к 1957 году осталось 53 насельника. Роль Валаамского монастыря в общественно-церковной жизни Финляндии в 1917-1957 гг. освещено в диссертационной работе Т. И. Шевченко 2010 г.

С середины 1970-х гг. на Новом Валааме осталось только два русских инока: архимандрит Симфориан (1892-1981) и монах Акакий, умерший в 110-летнем возрасте в 1984 году. Монастырское кладбище стало последним приютом для русских монахов, которые тосковали по острову Валаам, переживая за его судьбу и не дожив до его возрождения. Решение о возвращении Валаамской обители всех храмовых и административно-хозяйственных зданий было принято Верховным Советом Карелии только в постперестроечное время в 1990-1991 гг.

С 1977 г. богослужение на Новом Валааме проводятся на финском языке. Когда прихожане приезжают из России, то служба идет на двух языках — на старославянском и финском. Утренняя служба в Преображенском храме начинается в шесть утра, а на Валааме в пять утра, вечерняя служба совпадает — идет с шести вечера. На службу на Новом Валааме созывает звон колоколов в 5.45 утра. В зимнее время, когда православных гостей становится немного, на службе могут присутствовать пять монахов и четверо прихожан. По традиции, женщины стоят в левой части храма, а мужчины — в правой. Нововалаамскую общину в десять человек возглавляет митрополит Пантелеймон. На русском языке говорит архиепископ Арсений, кандидат богословия, получивший эту степень после окончания Ленинградской духовной академии. На Валааме священников в десять раз больше. О процессе финнизации православной конфессии в Финляндии подробно написано в исследованиях карельских ученых О. А. Ярового и И. А. Смирновой.

Храм — церковь Преображению Господнему — на Новом Валааме был воздвигнут в новгородском белокаменном стиле к 800-летию Православия в Финляндии на средства общества друзей Нового Валаама и при поддержке государства. Проектировал Преображенский храм на общественных началах финский архитектор русского происхождения Иван Николаевич Кудрявцев (1904—1995). Храм строился с 1975 г. и был освящен 5 июня 1977 г. архиепископом Карельским и всей Финляндии Павлом. Об этом свидетельствует и мемориальная доска, помещенная справа от входа в храм, где на финском и русском языках сказано об этом событии.

Н. Л. Шилова
(Карельская педагогическая академия)

ВИДЕНИЯ В «СЕВЕРНОЙ ФИВАИДЕ» ВИКТОРА ПУЛЬКИНА

В цикле жизнеописаний олонецких святых «Северная Фиваида» неоднократно встречаются эпизоды видений. Подвижники, о которых рассказывает автор, получают знамения и откровения свыше, видят воочию небесные силы, слышат Божий глас. Визионерские мотивы проникают сюда из житийных и фольклорных источников, положенных в основу цикла¹. При этом в беллетризованных «сказаниях» «Северной Фиваиды» исходные источники подверглись заметной авторской обработке.

Рассмотрим два сюжета — о преподобном Александре Свирском и об Ионе Климецком (Клименецком). Визионерские эпизоды несколько раз встречаются в начальном сказании цикла об основателе Александро-Свирского монастыря. Известно, что при жизни Александр Свирский неоднократно имел видения. Эти случаи получили отражение в тех источниках, которые были доступны В. Пулькину при работе над «Северной Фиваидой» — в «Олонецком патерике» и книге «Житие,

¹ Об источниках «Северной Фиваиды» и путях их авторской обработки см.: Шилова Н. Л. «Северная Фиваида» Виктора Пулькина: локальный текст и авторское начало // Рябининские чтения—2011: Материалы 6-й международной научной конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 2011. С. 473–475.

чудеса и служба Александра Свирского чудотворца» (из которых первый источник был, по-видимому, основным)².

Очерк об Александре Свирском ближе всего следует за текстом «Олонецкого патерика», но и он отмечен существенной авторской обработкой исходного материала. Это проявляется двояко. Во-первых, видения Александра Свирского отличаются от агиографического источника количественно: в «Сказание...» В. Пулькина вошли не все эпизоды, отмеченные в «Олонецком патерике». Во-вторых, описания видений отличаются стилистически.

Одна из заметных особенностей — беллетризация в описании видений, когда они получают подробности, в том числе психологического характера, свойственные современной художественной прозе. Ср., например, описание одного видения в «Олонецком патерике» и «Сказании...»: «*Однажды, во время ночной молитвы, преподобный услышал голос: "Александр, изыди отсюда, и иди на преждепоказанное твое место, в нем же возможешь спастися". При этом из окна кельи он видел на юговостоке большой свет над тем местом, где теперь стоит его монастырь. Преподобный объявил о всем этом игумену и тот сказал: "воля Господня да будет, чадо, над тобою!" и отпустил его с благословением. Ночью преподобный вышел из монастыря и пришел на указанное ему место в 1845 году*

*»*³.
«Отшельник оставил молитву и вышел из кельи. Ополдень посреди уже отцветшего луга, поникших трав он поднял лицо к небу, стоя на коленях.

– Александр! – тихо позвал Господь. – Приготовил аз тебе множество людей, коих ты будешь водить ко спасению. Смотри, не отринь – сколько бы ни было их, чающих Царства Небесного

*И в зените среди бела дня увидел Александр–инок: загорелась яркая звезда*⁴.

Из приведенных цитат видно, что содержательное наполнение визионерского эпизода остается неизменным. Но фактография случившегося уступает место повествованию, сфокусированному на внутренних переживаниях героя. Стилистически же история в «Северной Фиваиде» «переведена» на язык современной художественной прозы с некото-

² Олонецкий патерик или сказания о жизни, подвигах и чудесах преподобных и богоносных отец наших просветителей и чудотворцев олонецких / Сост. Архимандрит Никодим. Петрозаводск, 1910; Житие, чудеса и служба Александра Свирского чудотворца. М., 1888.

³ Олонецкий патерик... Петрозаводск, 1910. С. 48.

⁴ Пулькин В. Северная Фиваида // Север. 1993. № 10. С. 15.

рым лишь включением архаизмов, служащих как бы языковыми «гиперссылками» между двумя текстами и двумя эпохами.

Визуальная составляющая эпизодов в «Сказании...» В. Пулькина также заметно усилена. Это хорошо заметно в сцене явления Богоматери Александру Свирскому и молодому иноку Афанасию: *«Сначала ничего не было видно – только синела ночь, темнели старые ели. Но потом вспыхнул великий свет, разлился над монастырем и заплескался, как долго–долго длящаяся зарница <...> И вот юноша узрел явленную старцу сидящую на алтарном месте, как на высоком престоле, Пречистую Богородицу со смеющимся и тянущим ручонки к людям дитятей, Святым младенцем. Над ними клубилось великое воинство небесное Ангельских чинов, ей предстоящих. Меж ними ангелы, херувимы и серафимы. Одесную же и ошую Девы блистали золотыми доспехами, алыми плащами и крылами снежно–белыми небесные воеводы – Михаил и Гавриил архангелы, архистратиги»* (24). По сравнению с лаконичным текстом «Олонецкого патерика» здесь появляются детали, усиливающие суггестию и характерные в большей степени для художественной прозы или для устного рассказа («сначала ничего не было видно...» и т. д.).

В целом, в «Сказании...» об Александре Свирском видения изложены весьма близко к патериковому источнику. Иначе обстоит дело с сюжетом об Ионе Климецком. В «Ионовых гребцах» он отличается от жизнеописания святого в «Олонецком патерике». Имея дело с очень кратким патериковым текстом (сохранилось мало сведений о жизни Ионы Климецкого), автор дополняет его мотивами народных преданий и вводит вставную легенду о Николае Угоднике. Соответственно и сказание получает подзаголовок «кижская легенда», маркирующий отступления от канонической биографии святого⁵.

В видении Ионы Климецкого (до пострига, по приводимой у В. Пулькина версии, – Ивана Климентова), так же как в явлении Богородицы св. Александру Свирскому, образы получают дополнительную детализацию за счет использования черт иконописных изображений Николая Угодника (части одеяния, цвет): *«А поднял голову Иван Климентов – и увидел в хрупком ельнике предстоящего ему благолепного старца в святительском одеянии, в белизной сияющих крещатых ризах, в омофоре. Десницей старец Ивана благословляет, в шуйце же у*

⁵ Пулькин В. Ионовы гребцы (кижская легенда) // Журавка. 1994. № 2. С. 4–8.

него – в левой, значит, руке – икона Пресвятой Троицы. Светится старец, словно среброкованный»⁶.

Несмотря на отмеченные изменения, в целом визионерские эпизоды «Северной Фиваиды» легко опознаваемы и соотносимы с оригиналом. Автор стремится к сохранению их сущностных черт, используя при этом возможности стилистической модернизации текста за счет приемов современной беллетристики (детализация, описания, психологизм и т. д.). Более того, в «Северной Фиваиде» происходит дополнительная актуализация визионерской темы. Видения становятся одним из лейтмотивов всего произведения и инструментом для раскрытия сквозной философской темы цикла — сопоставления видимого и невидимого, когда чудесное и визионерское приобретают черты большей подлинности, нежели видимое «невооруженным глазом» и бытовое.

А. Е. Струкова
(Петрозаводский университет)

ЕЩЕ РАЗ О «ЧУЖИХ» КАК «СВОИХ» В МИРЕ ФАНТАСТИКИ

Идея фольклоризма фантастической литературы, включающей в себя жанры литературной сказки, научной фантастики и фэнтези, давно известна в фантаствоведении. При этом подчеркивается, что опираясь в целом на поэтику фольклорной волшебной сказки, которая во многом определяет и композицию, и сюжетику фантастических произведений, отдельные эпизоды (и персонажи) этих произведений могут оформляться и разрабатываться в духе других фольклорных жанров и прежде всего жанра, противоположного классической волшебной сказке, — жанра мифологического рассказа или былички. Присутствие в фантастическом произведении элементов былички существенно меняет фольклорно-сказочную оппозицию «свое / чужое» в литературной фантастике. Нам уже приходилось писать о том, что в русской фольклорной волшебной сказке противопоставление «своих» и «чужих», как известно, является фундаментальным. Базовый уровень этого противопоставления определяется невозможностью примирения обоих членов этой оппозиции. «Свои», принадлежащие к лагерю Добра (понимаемому как все, что связано с Жизнью), никогда не помирятся с «чужими»

⁶ Там же. С. 7.

(олицетворяющими Зло, несущее Смерть). Иван-царевич всегда будет непримиримым противником Кощея Бессмертного.

В литературных фантастических жанрах, типологически и генетически восходящих к поэтике фольклорной волшебной сказки, эта закономерность одновременно и сохраняется, и отменяется.

В числе причин этой двойственности обращают на себя внимание две: во-первых, в литературной фантастике в отличие от фольклорной сказки Добро и Зло психологизируются, подвергаясь рефлексии, а, во-вторых, фольклорно-сказочная замкнутость художественного времени в литературной фантастике ослабевает, появляется возможность соприкосновения с временем реальным, историческим.

Появление персонажей былички в тексте фантастического произведения создает ситуацию, где «чужие», оставаясь таковыми, в чем-то оказываются «своими». Они — «Иные», как сами называют себя персонажи цикла романов-фэнтези С. Лукьяненко о «дневном» и «ночном» дозорах. Эти персонажи — современное «городское» воплощение героев старых быличек. И, как и в фольклорных быличках, эти персонажи, даже в ситуациях, где они выступают в роли «своих», все-таки в большей степени воспринимаются как «чужие». Так, например, вампир Костя из романа С. Лукьяненко «Сумеречный Дозор» очень добрый, «свой» по отношению к людям, мечтает облагодетельствовать все человечество. Он, став обладателем магической книги древней волшебницы Фуаран, с помощью которой обычного человека можно сделать Иным, собирается под видом космического туриста с помощью своих возможностей пробраться на космическую станцию, чтобы, облетев планету, сделать это:

«— Антон, у нас есть шанс изменить мир к лучшему. <...> Я не хочу никакой власти, пойми! Я хочу равенства! Свободы!»¹.

Однако вампир, искренне желающий «счастья для всех», все равно остается вампиром. И читатель, сочувствующий Косте, разделяющий (возможно) его взгляды, тем не менее ощущает некую чуждость этого персонажа обычным людям. Вампир Костя находится как бы посередине между «чужими» и «своими», но при этом акцент на его принадлежности к «чужим» (Костя отказывается пить человеческую кровь, но делать-то это он может) сохраняется. Этот акцент сохраняется у всех мифологических персонажей (леший, домовый, колдун, ведьма, оборотень и т. д.), перешедших в новых одеждах из быличек на страницы фантастических текстов. Этот акцент очень важен, поскольку он при-

¹ Лукьяненко С. Сумеречный Дозор. М., 2004. С. 421.

дает персонажам глубину, неоднозначность, помогает психологизации проблемы Добра. Так обстоит дело во всех произведениях, адресованных молодежи и взрослому читателю.

Единственное исключение — литературная сказка, обращенная к читателю-ребенку, давно уже ставшая специфически детским жанром. Один их самых ярких примеров — сказочное творчество Т. Янссон. В ее знаменитых повестях-сказках о муми-троллях реальный мир северной природы талантливо сопрягается с фантастическим миром Долины, в которой живут необычные и очаровательные сказочные существа. И это сопряжение открывает в картине реальной северной природы внутренне ей присущие волшебные-фантастические черты (недаром ведь и Дед Мороз живет на Севере), а в изображение сказочной Долины вносит конкретику и убедительность, что делает ее обитателей живыми (и в глазах ребенка реальными). По своему происхождению эти обитатели напрямую связаны с мифологическими быличными персонажами. В повести «Маленькие тролли и большое наводнение» мама Муми-тролля «рассказывала о том, что, когда она была маленькой, муми-троллям не нужно было бродить по мрачным лесам и болотам в поисках местечка для жилья. В то время муми-тролли жили вместе с домашними троллями у людей, большей частью за печками.

— Кое-кто из нас еще и сейчас живет там, — сказала мама Муми-тролля. — Разумеется, там, где еще есть печки. Но там, где паровое отопление, мы не уживаемся.

— А люди знали, что вы уютитесь за печками? — спросил Муми-тролль.

— Кое-кто знал, — сказала мама. Оставаясь одни в доме, они ощущали наше присутствие, когда порой обдавало сквозняком их затылки»².

Таким образом, когда-то муми-тролли, как и русские домовые, жили у людей за печками, и в этом смысле были «своими», но в то же время осознавались как существа достаточно опасные, «чужие»: остаться дома одному и вдруг ощутить сквозняк на затылке — какой ребенок (да и взрослый тоже) тут не испугается, или, по крайней мере, не почувствует себя неуютно.

Сказочные же герои Т. Янссон, в отличие, скажем, от персонажей и фольклорного мифологического рассказа, и героев романов-фэнтези С. Лукьяненко, — полностью «свои», как и полагается в литературной сказке. В мире Т. Янссон это достигается многими способами, среди

² Янссон Т. Все о муми-троллях: Повести-сказки. СПб., 2004. С. 14.

которых бросается в глаза один из самых важных. Отличительная особенность творчества писательницы — тесное единство словесного текста и рисунка.

Существенно напомнить, что в фольклорных быличках истинный облик персонажей остается большей частью неизвестным, так как они изображаются подчеркнуто неопределенно (леший может появляться в виде дедушки, мужчины средних лет, животного, пня и т. д.). Определенность в описании такого рода персонажей появляется именно в литературной фантастике, и в этом смысле Т. Янссон действует в рамках общей тенденции. Однако рисунки писательницы, становясь частью текста (представить ее повести-сказки без ее же рисунков невозможно, как невозможно изобразить муми-троллей и их друзей иначе, чем это сделала сама писательница) не только способствуют разработке характеров персонажей и их наглядности, но и конкретизируют их облик, что полностью отвечает особенностям детской психологии, причем степень конкретности и наглядности у Т. Янссон столь велика, что она, скажем так, переходит в новое качество. Немножко смешные, немножко неуклюжие, немножко беспомощные муми-тролли, напоминающие упитанных бегемотиков, и их разнообразные друзья, кажется, далеки от каких-либо канонов красоты, но зато (а возможно и потому) они уютны, их хочется потрогать, они — домашние. И в этом своем качестве они играют ту же роль, что в реальном мире для ребенка играет кукла. Ведь кукла (причем, не обязательно кукла человека), с которой не расстается ребенок, может быть совсем не похожа на Барби, которая напрочь лишена домашности, и вряд ли вступит с ребенком в безмолвный диалог. И если во взрослой литературе кукла часто бывает персонажем опасным, враждебным, «чужим», то в детской сказке она полностью принадлежит «своему» миру ребенка, что наглядно демонстрирует сказочно-литературное творчество Т. Янссон.

Е. Ю. Иоффе
(Петрозаводский университет)

ФОЛЬКЛОРНО-СКАЗОЧНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ А. И Б. СТРУГАЦКИХ: «СВОИ» И «ЧУЖИЕ»

Проблема контакта и прогрессорства — возможности влияния на развитие другой цивилизации — одна из фундаментальных тем классической научной фантастики. На устойчивую генетическую связь

прогрессорства с фольклорно-мифологической традицией указывает название одного из первых произведений, посвященной этой теме — романа Марка Твена «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура» (1889).

В русской фантастической литературе эта тема в первую очередь связана с знаменитыми произведениями А. и Б. Стругацких. Анализируя роман «Трудно быть богом» (1964), Е. М. Неёлов отмечает, что «динамика отношений между прошлым и будущим обнажает фольклорные модели, по которым строится художественное произведение»¹. Исследователь выделяет несколько таких планов. Например, сцена спора Антона с товарищами восходит к «архетипической ситуации отношения к главному сказочному герою его старших братьев»², или, перефразируя, показывает Антона «чужим» среди «своих». В то же время в соответствии с волшеббно-сказочным законом симметрии в «чужом» мире Арканара существует такие же «чужие» среди «своих» — друзья Руматы, Кира, книжники и ученые, которых он спасает. Для успешного влияния одного мира на другой необходимо принять «чужой» мир как «свой». А. Е. Струкова убедительно доказывает, что к концу романа «чужие» для Антона стали «своими»³.

Попробуем проследить, как подобная ситуация реализована в своеобразном «предисловии» к роману «Трудно быть богом» — повести «Попытка к бегству» (1962). Связь между произведениями не только отмечается авторами, но и прослеживается практически на всех уровнях текста: от прямых заимствований и ссылок одного произведения на другое до использования схожих приемов в системе персонажей и композиции.

Бинарная оппозиция «свой» (представитель светлого мира Полдня) — «чужой» (в данном случае — обитатель планеты Саула) осложняется появлением еще одного члена — историка Саула, чудесным образом попавшего в будущее из сражения Великой отечественной войны. В образе Саула можно проследить черты как главного героя (роднящих его с Антоном-Руматой), так и героя-помощника из волшебных сказок. Как и Антон-Румата Саул на протяжении всего повествования остается непонятым своими товарищами. Глубокое знание языка и реалий XX в, странное увлечение старинной музыкой и курением, странная попытка

¹ Неёлов Е. М. Волшебно-сказочные корни научной фантастики. Л., 1986. С. 180.

² Там же. С. 184.

³ Струкова А. Е. «Чужие» как «свои» в мире фантастики // «Свое» и «чужое» в культуре народов Европейского Севера. Петрозаводск, 2011. С. 69.

остановить бесконечное течение машин по шоссе дистанцируют Саула от Антона и Вадима. Это обстоятельство, а также странный выбор пути сближают его с героем волшебной сказки.

«Желающие странного» — возможный крошечный уголок «своего» в «чужом» мире в отличие от позднейших произведений в повести изображается очень схематично. Эта категория людей, по словам Хайры, имела «большое богатство и хотела странного», а некоторые из них даже пытались устроить революцию⁴. К ним же начальник Хайры относит прилетевших на космическом корабле землян: «явились на небывалой машине трое, не знающие речи, не носящие оружия, не понимающие установления и желающие странного» (Стругацкие, с. 100). Единственное, что объединяет «желающих странного» и обитателей мира Полдня — интуитивное предложение Антона начать преобразование планеты с приглашения представителей этой социальной группы на Землю.

При описании Герои и обитатели Саула — реализуется модель, когда контакт происходит открыто, однако другая сторона не проявляет к вновь прибывшим никакого интереса.

В рассказе «Бедные злые люди» (1963, опубл. в 1993) ситуация контакта двух цивилизаций рассматривается с противоположной точки зрения. Повествование, в отличие от остальных анализируемых произведений, ведется от лица «чужого» — свергнутого царя неизвестного королевства. Спасаясь от покушения, он укрывается в храме некоего бога и молит его о спасении. Оказывается, что когда-то к его отцу пришли «ангелы» с небес (прогрессоры), которые помогали ему в управлении государством. Первоначальное название рассказа «Трудно быть богом» и некоторые детали (например, сравнение огненных стрел с молниями — подобное сравнение встречаем в речи Араты Горбатого из «Трудно быть богом») позволяют рассматривать его как один из возможных вариантов развития событий, описываемых в знаменитой повести. С точки зрения анализа «своего» и «чужого» миров интересен диалог Толи и Эрнста. Несмотря на активное вмешательство в развитие страны, «ангелы» никогда не поднимали оружие на ее жителей, поскольку, по их пониманию, представить, что стреляешь в человека так же противно, как и стрелять в него⁵. Хотя в тексте произведения проблема принятия «чужого» открыто не ставится, название рассказа и его завершающая фраза («Бедные злые люди»), как нам кажется, позволя-

⁴ Стругацкий А., Стругацкий Б. Собр. соч.: в 11 т. М., 2009. Т. 3. 1961-1963. С. 94.

⁵ Там же. С. 658.

ют увидеть причину неудачного контакта — отношение к другой цивилизации как к чему-то «чужому».

Таким образом, эпически цельная в фольклоре оппозиция «свой» — «чужой» в творчестве А. и Б. Стругацких усложняется, детализируется и становится основой для создания фантастического мира писателей.

Н. В. Маркова
(Петрозаводский университет)

«КРУГ СЕВЕРНЫХ ПЕСЕН» В. АГАПИТОВА: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Широкое использование диалектизмов русскими писателями не находило поддержки у литературной критики. Так, И. С. Тургенева современники обвиняли в том, что он пишет не по-русски, а по-орловски.

Слова с ярким местным колоритом, занимающие пограничное положение между деревенской и городской речью, между просторечием и разговорным стилем, пополняют, прежде всего, благодаря писателям, русский литературный язык. «Чужие» среди «своих», они выделяются необычным звучанием, словообразованием, а порой требуют толкования.

Однако употребление диалектизмов с целью стилизации местного говора при речевой характеристике персонажа или для создания сказовой манеры повествования принципиально отличается от творчества на местном наречии. Художественные произведения на диалекте — явление для русской литературы исключительное.

В настоящее время, по-видимому, появились новые предпосылки для создания такого рода сочинений: прочно утвердились общепринятые нормы литературного языка; ушла в прошлое цензура, и, главное, пришло осознание того, что нужно сохранить родные говоры, оказавшиеся на грани вымирания, как и сама деревня.

В. Агапитов в предисловии к своему сборнику «Круг северных песен»¹, адресованному носителям заонежского говора или людям, хорошо знакомым с говором (*все вирши и песни дарю с любовью родным землякам*), утверждает, что его вирши — опыт сочинения на диалекте. Поэзия Агапитова, известного в республике историка и краеведа, пред-

¹ Агапитов В. А. Круг северных песен: нонешни вирши. Ламбасручей, 2002.

ставляет собой несомненный феномен. Именно поэтому, оставляя в стороне разговор о художественных достижениях автора, обратимся к языковой основе произведений.

Центральное место в сборнике отведено поэме «Ламбасруцкий сказ» — рассказу о едва зародившемся чувстве юных героев, о трагической странице истории края — оккупации Заонежья белофиннами, о гибели девушки, не покорившейся вернувшемуся с захватчиками «барину» и не нашедшей защиты у земляков.

Выразительны картинки довоенной крестьянской жизни, на фоне которой и встречаются Шаня с Сережей. Поэма наполнена разными голосами, народными мотивами: — *Девушки, во поле жито, Девушки, во поле рожь, Девушки, не ваша воля, Не полюбишь, кого хошь!*

Заонежский говор слышится уже с первых строк: широко известная фонетическая особенность — перетяжка ударения на первый слог задается хореем и поддерживается именно этим стиховым размером: *Дерев'енька Л'амбаср'учей, Сл'ева р'учей, спр'ава р'учей.*

В поэме отражаются и другие особенности произношения онежских говоров: **и** в соответствии с древним **ѣ**: *Не видали с зимы жита, стала бобкой ('игрушкой') дитям сито; Всих тут отвезли нас в лагерь; ъ* в соответствии с **л**: *коўнул* от *колнуть* и др. В имени главной героини *Шаня, Шанюшка* (от Александры) и ее родственника *Юши* угадываются следы севернорусского шепелявения.

Стихию диалектной речи В. Агапитов сумел подчинить ритму и рифме поэтической строфы: *Страх-Онегушко напротив, Знатен серой волны норов, То подымя, то опружит, В темну осень лодки рушит, Мостки воды не напьются, В стыду зубу с тоской рвутся.*

Как видим, автор активно использует различные именные и глагольные диалектные формы: стяженные окончания прилагательных (*в темну осень, в стыду зубу*), сохраняющиеся до сих пор в говоре архаичные окончания 3 лица без *т* у глаголов (*подымя* в соответствии с *подымет*). Как и в говоре, в поэме частотным оказывается суффикс **ј** существительных во множественном числе: *Коли идешь сырм лугом — Васильковы глазья кругом*; формы дательного падежа существительных: *Пой, баженыи, темнит с окон, Жены Насти с Шаней поклон* и др.

Диалектное слово звучит в каждой строке. Агапитов не сопроводил книгу словариком: «посвященным» он не нужен, а «непосвященные» могут догадаться. Не нуждаются в комментариях сохранившиеся в говорах древнерусские корни и формы слов: *Вот и долонь* ('ладонь') *волны лижут; Отомстили врази* ('враги') *людям.*

Однокоренные с общерусскими диалектные слова также не требуют перевода: *День в осеновья не долог, Тяня ночь дырявый полог. «Не видаться нам с тобою, Поразойдемся судьбою».*

Местные наименования ландшафта: *щельга* — ‘возвышенность’ (*Мужик с бабой идут с щельги*); *луда* — ‘голый остров’ (*Черно воронье по лудьям*); *лага* — ‘озеро’ и *лайба* — ‘незамерзающее пространство на море или озере’ (*В лайбу бросили на лаги*); ветров: *сиверик* — ‘северный ветер’ (*Студит сиверик Онего*), *шелонник* — ‘юго-западный ветер’ (*В Гаубы шелонник рыщет*); лодка *кижанка* (*Три в кижанке мужичонка*) — известны жителям всей Карелии.

Агапитов утверждает значимость особых временных диалектных форм — причастного перфекта, активно употребляемого в заонежских говорах. В поэме используются конструкции с причастиями как от переходных, так и непереходных глаголов, например: *С каждой ночи слезы лито. Перед войной пал раз с саней, Выстал токо, снег стяхнуто, Глаза протер: чома* (‘красавица’) *чудо! С той поры вот так и жито. У мя не быто тут с лета. Раз проснутось* — *флаги алы.*

В небольшой по объему поэме «Ламбасруцкий сказ» нашли отражение и другие синтаксические особенности заонежского диалекта: *Плывя всякого товару* — характерная для онежских говоров конструкция с родительным падежом большого количества и глаголом движения, не связанным с идеей количественного увеличения или уменьшения субъекта (ср.: *всяких проблем навалилось*) и др.

Посвященный жителям Заонежья поэтический сборник В. Агапитова является прекрасным образцом диалектной речи и представляет несомненный интерес для широкого круга читателей.

Н. Г. Урванцева
(Петрозаводский университет)

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ТЕКСТЫ В СТУДЕНЧЕСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

М. М. Бахтин писал: «Я живу в мире чужих слов. И вся моя жизнь является ориентацией в этом мире, реакцией на чужие слова, начиная от их освоения (в процессе первоначального овладения речью) и кончая освоением богатств человеческой культуры. Все слова для каждого человека делятся на свои и чужие, но границы между ними могут сме-

щаться, и на этих границах происходит напряженная диалогическая борьба»¹.

Теория прецедентности впервые была предложена и теоретически обоснована Ю. Н. Карауловым. Прецедентные тексты носят хрестоматийный характер, составляют общекультурный фонд языка. Попав в новую текстовую среду, они хранят культурную память. Это своего рода «культурологические маркеры» (В. Воробьев), и по мере эволюции социальной группы происходит увеличение количества используемых прецедентных текстов.

По словам С. Ю. Неклюдова, «речевой обиход современного города включает и целый ряд малых форм фольклора — паремий, фразеологических клише, причем в большинстве случаев набор их пополняется из арсенала “высокой” литературы или — чаще — из текстов массовой культуры»².

Основными источниками прецедентных текстов стали «готовые» выразительные средства, хранящиеся в языковой памяти и относящиеся к общему культурному фонду: сказки, художественные произведения, пословицы, поговорки, названия кинофильмов и телевизионных передач, песни, имена собственные. За каждым стоит своя уникальная система ассоциаций, вызываемых ими в сознании носителей языка. Очень часто прецедентные тексты используются в школьном и студенческом фольклоре.

Одним из жанров последнего является «студенческий словарь», в котором представлен студент в разных ситуациях: на учебе, в общежитии, на зачете или экзамене, на семинаре, в столовой и т. д. Его авторами являются сами учащиеся вузов. Некоторые традиционные, повторяющиеся, устойчиво воспроизводимые тексты они переносят из школьной жизни. При анализе школьного и студенческого словарей наблюдается полное или частичное совпадение хрестоматийных выражений. Например, студент после сессии — «живой труп» (школьный фольклор: ученик после экзамена — «живой труп»), студент-отличник — «белеет парус одинокий» (школьный фольклор: пятерки у двоечника — «белеет парус одинокий»), преподаватель на экзамене — «Фантомас разбушевался» (школьный фольклор: гнев учителя — «Фантомас разбушевался»; солдатский фольклор: старшина — «Фантомас разбушевался») и т. д.

¹ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 367.

² Неклюдов С. Ю. Фольклор современного города // Современный городской фольклор. М., 2003. С. 13.

Студенты переосмысливают хорошо известные обращения, к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности.

Тема учебы — одна из основных в «студенческом словаре». Учеба в университете — «хождение по мукам» (ср. солдатский фольклор: строевая подготовка — хождение по мукам). Студент в библиотеке превращается в «случайного прохожего». Студент на контрольной работе выглядит как «премудрый пескарь». На экзамене он становится «Незнайкой на Луне».

Типичен образ студента, который пришел неготовым к зачету или экзамену. Студент, не сдавший сессию, является «рыцарем печального образа» или «героем нашего времени». Студент без шпаргалки подобен «всаднику без головы».

Создаваемые тексты в студенческом социолекте — результат декомпозиции усвоенных прецедентных текстов.

О. К. Нилова
(Карельская педагогическая академия)

КАТЕГОРИЯ «ВИЗУАЛЬНОСТЬ» ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ИСТОРИИ ПОЗДНЕЙ ИКОНОПИСИ КАРЕЛИИ

Интерес к характеристикам, связанным со зрительным восприятием человека, очевиден в современной культурологии и искусствознании. Терминология, фиксирующая обращение к зрительному восприятию человека, восходящая к лат. *visualis* — зрительный, в современном искусствознании разнообразна. Это и «визуальное мышление», и «визуальные искусства», и «визуализация» как особенность современной культуры. Культурологическое осмысление терминов этого ряда предполагает разделение художественного и технического аспектов в многообразии формотворчества современной культуры.

Начиная со времени зарождения истории искусства как науки, произведения изобразительного искусства порождали вопросы, связанные с их зрительным восприятием. В научных поисках гуманитариев рассматривались способы и приемы создания, характер и взаимосвязи образов искусства, видения и визуальности. Острота проблем визуальности применительно к истории искусства Нового и Новейшего времени очевидна. Оценивая позиции Гомбриха, Брайсона, Крэри, Альперс и других зарубежных философов и исследователей, А. Курбановский

убедительно доказывает актуальность археологии визуальности как дисциплины, расширяющей возможности искусствоведения на современном этапе¹. Предлагаемый подход к истории искусства с позиций археологии визуальности дает возможность обращения и к обширному наследию древнерусского искусства. Актуализируется роль стилистических изменений, сдвигов семантического кода, выработанного эпохой средневековья.

Начальные этапы становления изобразительной системы средневекового искусства и ее существование определены тем, что изображение на плоскости подчинено тексту Священного писания, потребностям литургии.

Трудный и мучительный путь обретения художественной целостности способов выражения в иконописи и монументальной живописи связан с драматическими, порой трагическими периодами противостояния иконопочитателей и иконоборцев. Результатом стало появление и признание теории образа, связываемой с именем Иоанна Дамаскина, в которой изображение (вербальное и невербальное, то есть на иконе) рассматривается как частный случай образа. Функциональная сущность иконописного образа воздействовала и на мироощущение, создавала видение мира, разделенного на область духовного, куда следует верующему устремить все свои помыслы, и время земного бытия, в котором пребывал конкретный человек того или иного периода средневековья.

Требования канона, иконографические нормы определяли в средневековом художественном опыте специфические способы изображения фигур, предметов, пространства, трактовку изображаемых событий. С течением времени складывалось понимание значений образов того или иного характера, символика христианства обретала чувственные, наглядные формы в священных изображениях. Опыт их зрительного восприятия людьми средневековья сейчас доступен лишь по тем признакам, которые может быть не столь явно, но все-таки указывают на то, как менялось видение мира, мироощущение человека средневековья.

Семантические сдвиги средневекового мироощущения могут быть обнаружены, если историк искусства принимает методологию археологии визуальности, рассматривая изобразительные образы в неотрывной

¹ Курбановский А. А. История искусства как археология визуальности. Постановка проблемы и анализ литературы // Курбановский А. А. Незапный мрак. Очерки по археологии визуальности. Спб., 2007. С. 11-39.

связи с опытом их восприятия, изменений в характеристиках изображений, свидетельствующих о колебаниях в отношении значений, придаваемых изображению. В этом случае процесс видения предстает как «исторически переменный когнитивный/перцептивный режим, который изменяется с переменами в способах репрезентации»².

В таком контексте особый интерес представляет поздний период истории иконописи, когда заметными становятся изменения в ориентирах при создании иконописных образов. Для отечественной истории изобразительного искусства неоспоримыми свидетельствами сдвигов ментальности живописцев являются их сочинения. Иосиф Владимиров и Симон Ушаков размышляют о соответствии чувственного, зрительного представления и новых качествах живописного воплощения образа, отдавая приоритет эстетическим характеристикам.

В трактате И. Владимирова имеется указание на притчу о «гусаре», которая встречается в текстах иконописных подлинников, бытовавших среди иконописцев и в позднее время. Содержание притчи отразило насущные проблемы иконописцев: соперничество в мастерстве, возможность занятий иконописью для выходцев из социальных низов, но что более всего характеризует изменения оценочной шкалы в отношении образов — критерии проверки уровня мастерства живописца, указание на соотносимость изображения и того, что дает зрительный опыт.

В житийной иконе Иоанна Богослова из собрания Музея изобразительных искусств РК (инв. №И-1449) истории «гусаря» посвящено четыре клейма. В одном из них представлено как бедный сирота пасет гусей, которые своим внешним видом напоминают овец. Встреча царского писца и сироты в иконе обонежского мастера изображена на фоне архитектуры, интерес к ее деталям — характерная особенность этой иконы. Подробно показан интерьер мастерской, в которой Иоанн Богослов научает «гусаря»: «зри на мя и пиши».

Изобразительное толкование притчи о «гусаре» известно и на иконе XVIIв. из Поволжья, связываемой с именем Гурия Никитина. Характерно, что степень профессионализма изографа представлена в сценах, где от мастера требуется передать сходство с объектом, далеким от богословия (нужно было так написать на стене гуся, чтобы на него бросился ястреб)

² Курбановский А. История искусства как археология визуальности.// Искусствознание. 2005. № 2(XXVI). М., 2005. С. 253.

Таким образом, очевидно, что системная целостность образной системы иконописи в поздний период XVII—XVIII столетий, включает в себя элементы визуального опыта. Те черты, которые традиционно обозначаются как «обмирщение» живописи, с позиций археологии визуальности предстают как факт расширения области зрительной активности человека, меняющейся и способы репрезентации в культовой практике.

С. Н. Филимончик
(Петрозаводский университет)

РОЛЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ АРХИВОВ В СОХРАНЕНИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КАРЕЛИИ В 1920 -1930 гг.

После революции архивные документы в России были провозглашены достоянием всего народа, государство гарантировало их охрану. Однако на практике пришедшие во власть выдвигенцы далеко не всегда понимали важность сохранения документов как культурных свидетельств эпохи. Документы упраздненных Советами учреждений были свалены в подвалах, расхищались, подвергались уничтожению¹.

В таких сложных условиях в июне 1918 г. начал работу отдел архивов, учрежденный при Олонецком губернском отделе народного образования. В годы Гражданской войны его первые сотрудники И. М. Богданов, А. Д. Кириков, Трусевич вели описание и систематизацию архивов бывших дирекции и инспекции народных училищ, Духовной консистории, епархиальных, губернских и уездных наблюдателей церковно-приходских школ и др.².

В 1922 г. для руководства архивным делом создано Карельское областное архивное бюро, преобразованное в 1924 г. в Центральное архивное бюро АКССР³. В 1925 г. Центральное архивное бюро КАССР переименовано в Управление Центрального архива АКССР (Центрархив АКССР). Ему были переданы подвальные помещения в здании КарЦИКа, два бывших тюремных павильона на Петровской площади.

¹ НАРК. Ф. 690. Оп. 3. Д. 20/164. Л. 333.

² НАРК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2/13. Л. 102.

³ Петухова И. Г. Национальный архив Республики Карелия (к 90-летию со дня организации) // Календарь знаменательных дат Карелии. 2008. Петрозаводск, 2007. С. 52-53.

Часть документов осталась на хранении в сарае Онегзавода, на хорах Кафедрального Собора, в сарае милиции⁴.

Архивисты упорно продолжали поиск архивов дореволюционных учреждений, с этой целью обследовались помещения, где прежде эти учреждения располагались. Так, в ноябре 1924 г. во время ремонта здания ЦИК были найдены 25 пудов документов Олонецкой губернской земской управы. В марте 1925 г. «совершенно случайно» И. М. Богдановым был обнаружен на чердаке финского детдома архив Петрозаводской уездной земской управы⁵.

В 1925 г. в составе Центрархива было образовано два республиканских архива: Исторический архив и Архив Октябрьской революции. При них работал отдел секретных фондов — политсекция. До 1936 г. архивы находились в ведении КарЦИКа, в 1936—1938 гг. — в ведении СНК КАССР.

В 1925 г. были организованы первые уездные архивы, но их деятельность в связи с административной реформой не успела полностью развернуться. В 1928 г. началось создание районных архивов. Они должны были обеспечить охрану документов, контролировать текущее делопроизводство, а также выдавать справки, копии документов по запросам учреждений, организаций и частных лиц. Районные архивы подчинялись РИКа, методический контроль и поддержку осуществлял Центрархив.

В условиях нехватки бумаги в 1920-е гг. государство проводило противоречивую политику. С одной стороны, пресекались хищения из архивов, вторичное использование старых документов, например, в торговых точках, с другой стороны, продолжались кампании по сбору макулатуры, в которые принудительно вовлекались архивы. Только за 1928/1929 г. Исторический архив передал на переработку 24 тонны «макулатуры», т.е. дореволюционных документов⁶.

Несмотря на трудности и противоречия, 10 июня 1927 г. коллегия Центрархива РСФСР, заслушав отчет о работе Центрархива КАССР, отметила ряд достижений архивной службы Карелии в области учета и систематизации архивных фондов⁷. Этими достижениями архивная служба Карелии была в немалой степени обязана своему руководителю Н. В. Хрисанфову (1898-1938).

⁴ НАРК. Ф. 30. Оп. 1. Д. 1/2. Л. 122.

⁵ Там же. Л. 1,4.

⁶ Там же. Д. 131. Л. 11.

⁷ Там же. Ф. 690. Оп. 3. Д. 23/190. Л. 203.

Николай Васильевич Хрисанфов вырос в карельской деревне Вотозеро в бедной крестьянской семье. По окончании сельской школы местный священник и учитель выхлопотали для способного подростка земское пособие, и он смог продолжить образование в Петрозаводском городском училище и Учительской семинарии. Когда началась революция, Хрисанфов, в то время учащийся последнего курса семинарии, активно включился в общественную жизнь, вступил в партию эсеров. Весной 1918 г. он ездил с отрядом И. В. Матвеева в Пудожский уезд усмирять крестьянское восстание, был командирован в Москву на курсы по проведению декрета о земле, участвовал в IV губернском съезде Советов, был избран в состав губисполкома. После событий 6—7 июля 1918 г. эсеровская фракция была исключена из состава Совета. Хрисанфов уехал в Москву, работал в качестве секретаря в Московском комитете левых эсеров, одновременно учился в вольном университете Шанявского, туда принимали без гимназического образования. В 1919 г., порвав связь с эсеровской партией, вернулся в Петрозаводск, но вскоре был арестован, по настоянию П. Ф. Анохина через месяц освобожден, переболел сыпным тифом, по выздоровлении был направлен на фронт.

Демобилизовавшись осенью 1921 г., Н. В. Хрисанфов поступил в Петроградский университет на историческое отделение факультета общественных наук. На последнем курсе университета учился на годичных архивных курсах. Таким образом, Н. В. Хрисанфов стал одним из первых карельских историков, получивших высшее образование в советское время. По окончании университета осенью 1924 г. он начал работу в архивной службе Карелии⁸.

В марте 1926 г. республиканская газета «Красная Карелия» призвала краеведов активнее обращаться к архивным изысканиям: «Архив ждет своего исследователя!»⁹ Во второй половине 1920-е гг. для работы в архиве командировались студенты Института Красной профессуры, других столичных вузов. В начале 1930-х гг. исследовательскую работу в архивах начали преподаватели и студенты Карельского пединститута, сотрудники Карельского НИИ.

В 1925 г. к юбилею Первой русской революции Н. В. Хрисанфовым, П. И. Буткевичем, М. Гудожниковым на основе архивных доку-

⁸ НАРК. Ф. 3. Оп. 6. Д. 11936. Л. 3-4.

⁹ Красная Карелия. 1926. 2 марта.

ментов были подготовлены первые научные публикации о революционных событиях в Карелии в 1905—1907 гг.¹⁰.

С 1927 г. архив участвовал в подготовке историко-революционных выставок. Первая выставка была приурочена к 10-летию Революции и представляла документы об истории революционного движения в Карелии и олонецкой ссылке. Посетителям представили документы о деятельности социал-демократов во время Первой русской революции, копию дела ссыльного М. И. Калинина (подлинник был уже отправлен в центр), фотографии о зверствах интервентов во время Гражданской войны. Выставку посетило 1200 человек, было проведено 15 экскурсий¹¹

В 1928 г. научным сотрудником архива К. Хряпиным (в прошлом — редактор республиканской газеты) была подготовлена выставка «Карельская женщина в прошлом и настоящем». Две трети экспонатов выставки составляли документы Петрозаводского окружного суда, судебной палаты, духовной консистории, канцелярии губернатора, жандармского управления и др. В них концентрировалось внимание на неравноправном положении женщин в семье, быту, в публичной сфере до революции, характеризовалась преступность, связанная с гендерным фактором. Особое внимание уделялось протестным акциям (были представлены документы о выступлениях женщин против спекулянтов в голодном 1916 г. и др.)¹². В 1928 г. организована выставка, посвященная 25-летию Второго съезда РСДРП. Ее посетило более 1800 человек, прошло 47 экскурсий. Посетителями первых выставок были коммунисты и комсомольцы, учителя, учащиеся техникумов, старшеклассники. Часто посетители просили архивистов организовать постоянную выставку, чтобы можно было на основе документов вести занятия по общественным дисциплинам в школе, организовывать работу политкружков на предприятиях и в учреждениях¹³.

В 1930 г. в архиве создана научно-справочная библиотека, в которой было собрано 20 тыс. печатных изданий. 83 неполных годовых комплекта газет на финском языке передал в дар библиотеке Э. А. Гюллинг¹⁴. В научно-справочную библиотеку архива поступали краеведческие исследования, изданные в республике.

¹⁰ 1905 год в Карелии / Под ред. П. И. Буткевича. Петрозаводск, 1926.

¹¹ Красная Карелия. 1927. 14 декабря; НАРК. Ф. 721. Оп. 1. Д. 25/324. Л. 86.

¹² НАРК. Ф. 30. Оп. 1. Д. 5/150. Л. 7-14.

¹³ Там же. Ф. 721. Оп. 1. Д. 25/324. Л. 24-25.

¹⁴ Там же. Л. 73.

В конце 1920-х гг. началось массовое закрытие церквей. Часть документов Крестовоздвиженской, Екатерининской, Александра Невского церквей была обследована и принята на архивное хранение¹⁵.

К 1933 г. 90 % архивных материалов было разобрано, составлено свыше 17 тыс. тематических карточек по полезным ископаемым, экономике, советскому строительству, истории, революционному движению, Гражданской войне, истории фабрик и заводов Карелии. К 1937 г. в Архиве Октябрьской революции было взято на учет более 140 тыс., в Историческом архиве — 450 тыс. единиц хранения¹⁶. Большинство дел были заинвентаризованы.

В 1939 г. на базе Исторического архива и Архива Октябрьской революции был создан Центральный государственный архив (ЦГА) КАССР (с 1940 г. — К-ФССР). Согласно постановлению СНК КФССР 15 июля 1940 г. в Выборге был организован филиал Центрального государственного архива К-ФССР¹⁷. 14 мая 1941 г. утверждено Положение о Центральном Государственном архиве К-ФССР. В его состав вошли отдел дореволюционных фондов, отдел фондов Октябрьской революции и социалистического строительства, отдел кинофонодокументов, отдел научно-справочной литературы, читальный зал¹⁸.

В 1939 г. ЦГА КАССР перешел в ведении НКВД, и приоритетной стала работа по заданию его оперативных органов. Архив начал выявлять сведения о руководителях правительственных учреждений; руководящем составе тюрем, судов, прокуратуры царской России; участниках заговоров и мятежей против советской власти; о меньшевиках, эсерах, кадетях, и т. д. Только в ноябре-декабре 1939 г. в ЦГА было выявлено 563 человека «классово-чуждого и преступного элемента». На выявленных лиц составлялись списки-справочники, которые передавались органам НКВД¹⁹. Доступ исследователей в архив был существенно ограничен, научная работа свернута. Значительная часть архивных документов была засекречена.

Пристрастным проверкам подвергался персонал архивов. В воспоминаниях А. М. Линевского описана одна из таких проверок в еще довольно спокойные времена: он, стоя, должен был отвечать на вопросы

¹⁵ Там же. Ф. 30. Оп. 1. Д. 7/189. Л. 1-3.

¹⁶ Там же. Ф. 700. Оп. 1. Д. 208/1516. Л. 12,15; Ф. 689. Оп. 11. Д. 6/26. Л. 188.

¹⁷ Там же. Ф. 1394. Оп. 5. Д. 1/1. Л. 247.

¹⁸ Там же. Ф. 30. Оп. 1. Историческая справка. Л. 8.

¹⁹ Сайт НАРК. История архива. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rkna.ru/>

типа «Как Вы относитесь к революции?» Что-то в ответах ревизору из Москвы не понравилось, и она сказала, что Линеvский проявил «дворянский гонор», и что не сможет спокойно спать, пока его не уволят из архива²⁰.

Документы РКП(б)–ВКП(б) не были включены в состав Государственного архивного фонда, для них сформировалась особая система хранения. Большую работу по сбору партийных источников вели Институт В. И. Ленина и Комиссия для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и Российской коммунистической партии (Истпарт). 28 июня 1929 г. Секретариат ЦК ВКП(б) принял постановление «О едином партийном архиве ВКП(б)», в состав которого были включены архивы Института В. И. Ленина и Истпарта, Туда стали передаваться документы партийных организаций, хранившиеся раньше в других архивах. В 1930-е гг. были созданы партийные архивы во всех областях, краях и республиках.

В Карелии собирание, хранение, научную обработку партийных документов вела историко-партийная комиссия (Каристпарт), стремясь сформировать «политически корректную» модель истории местной партийной организации, которая демонстрировала бы закономерность развития революционного движения, неизбежность установления советской власти²¹. В 1933 г. при Каристпарте был создан архив. В 1935 г. завершена первичная обработка, составлена опись его документов. Архив принял на хранение документы районных партийных организаций, личные документы И. Ярвисало, П. Анохина, Н. Григорьева и других активных участников революционного движения, систематически проводил сбор воспоминаний и фотографий о революции и Гражданской войне в Карелии. Начав подготовку Хроники событий 1917 г., сотрудник Истпарта В. И. Машезерский составил обширную картотеку материалов периодики и архивных документов, подготовил несколько научных статей. Одной из ведущих тем исследований Истпарта стала национальная политика в Карелии в XX веке²². В 1937 г. на базе архива Каристпарта создан партийный архив Карельского обкома ВКП(б)²³. Доступ исследователей в архив осуществлялся только по специальным разрешениям.

²⁰ НАРК. Ф. 3262. Оп. 1. Д. 22/204. Л. 118.

²¹ Терещенков Л.Е. Работа Карельского Истпарта по формированию исторической памяти о революции и Гражданской войне в Карело-Мурманском крае // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2010. №7. С. 25.

²² НАРК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 4. Л. 1,3, 26-31; Д. 3. Л. 1-4; Д. 1. Л. 4.

²³ Карельский государственный архив новейшей истории. Путеводитель. М., 2003. С. 12.

Таким образом, в рассматриваемый период была создана государственная архивная сеть — основа сохранения для потомков документальных памятников. В Карелии были взяты на учет более 700 тыс. единиц хранения, в том числе документы упраздненных в ходе революции и последующих административных реформ учреждений, часть документов закрытых в конце 1920-х начале 1930-х гг. церковей, документы текущего делопроизводства. Начата работа исследователей с архивными источниками, подготовка на их основе научных сочинений. Через выставки и экскурсии с архивными документам впервые имели возможность знакомиться учащиеся, студенты, общественные активисты. К сожалению, передача архивов в ведение НКВД привела к тому, что стало утрачиваться взаимодействие архивов с гражданами, архивы закрылись для исследователей, переориентировались на обслуживание преимущественно государственных структур.

С. Г. Ковчинская
(Петрозаводский университет)

**ПОСЕТИТЕЛЬ В АРХИВЕ — «СВОЙ» ИЛИ «ЧУЖОЙ»?
(ИЗ ИСТОРИИ ПРАВИЛ РАБОТЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
В ЧИТАЛЬНЫХ ЗАЛАХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ АРХИВОВ
1920—1991 гг.)**

Организация работы исследователей в читальных залах государственных архивов является одной из важнейших и популярных форм использования архивных документов, востребованной формой актуализации ретроспективной документной информации (РДИ). В читальных залах архивов осуществляется непосредственный допуск к работе с архивными материалами, реализуется традиционный архивный поиск ученого, который является творческим процессом и началом научного исследования. «В условиях читального зала возникают наиболее устойчивые и долговременные отношения архивистов и потребителей информации. Это предполагает установление более глубокого взаимопонимания и особой, творческой атмосферы в архиве» (В. Н. Автократов).

В настоящее время в читальных залах государственных архивов России существуют благоприятные условия для работы пользователей архивной информации, действует «заявительный» принцип пользования архивной информацией, вместо «разрешительного». Современный

архив делегировал пользователю право научного поиска, исследователю предоставлены широкие возможности пользоваться каталогами и научно-справочным аппаратом архивов, получать компетентные консультации архивистов, активно участвовать в научной деятельности архивных учреждений и т.д. Однако, такая комфортная ситуация существовала не всегда. Долгое время, начиная с 1917 г., посетители читальных залов государственных архивов СССР, большую часть которых составляли историки, подобно героям произведений Ж.-П. Сартра и Ф. Кафки, ощущали себя «лицами посторонними» и «чужими» архиву, им приходилось преодолевать многочисленные административные барьеры и трудности, чтобы получить официальное разрешение (допуск) для работы с архивными документами и позаниматься в читальном зале архива.

Предметом настоящего доклада является изучение формулировок (наименований), содержащихся в ведомственных инструкциях, правилах и анкетах, в отношении исследователей, занимавшихся в читальных залах государственных архивах СССР. Также нас интересовало выявление тенденции, связанной с изменением отношения к архивным пользователям со стороны государства в течение длительного исторического периода, с 1920-х гг. до 1991 г. В течение данного периода складывается определенная иерархия архивных посетителей, которые приходили заниматься в архивы: «академический тип» исследователя, представитель государственного учреждения, частное лицо, краевед, пенсионер, студент, «случайный посетитель» и т.п. По отношению к каждому из этих типов посетителей архивные администрации выработали так называемый «дифференцированный подход». По мере развития информационного общества, в СССР начинает складываться новая типология лиц, пользующихся ретроспективной документной информацией: 1) посетитель, 2) исследователь, 3) пользователь. Последний тип предполагает широкие цели и всесторонние формы использования архивной информации. В современных правилах пользования архивными документами определен правовой статус пользователя, его права и обязанности.

Впервые в России требование «широко открыть архивы для науки» прозвучало в мае 1917 г., оно исходило из среды российской гуманитарной интеллигенции, крайне заинтересованной в разрешении данной проблемы. Ее обсуждение состоялось на заседании Общего собрания Союза российских архивных деятелей (далее — Союз РАД), в рамках доклада Г. А. Князева «О допущении к занятиям в архивах посторонних лиц». Доступ к архивам понимался членами Союза РАД как «раз-

решительная процедура», предоставляющая право посетителю, названному «посторонним лицом», работать в архивохранилище (государственном или частном) с архивными документами с научно-исследовательскими целями. Таким образом, под «доступом» понималась максимальная либерализация «допуска» в архивы. Решение проблемы виделось в усовершенствовании разрешительной процедуры и передачи права предоставления допуска наиболее компетентным представителям научной общественности. Вместе с тем, при обсуждении доклада Г. А. Князева отмечалось, что «широко отворяя двери архивов людям науки, необходимо обратить внимание на ограждение архивного материала от лиц неизвестных лично служащим архива». Крайне нежелательным, например, представлялось архивистам присутствие в архивах «всевозможных любителей сенсаций» — журналистов¹.

1 июня 1918 г. был издан известный Декрет СНК РСФСР «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР», который предусматривал организацию доступа к архивам на основе общих архивно-технических правил, разработанных государственной архивной службой страны. В начале 1920 г. специалистами Петроградского отделения Главархива РСФСР были разработаны первые общие «Правила пользования архивными материалами для государственных, научных и частных потребителей», которые объявляли все архивы «открытыми для пользования» (далее — Правила). В «Правилах» можно найти почти дословные совпадения в формулировках с выписками из протокола Общего собрания Союза РАД от 13 мая 1917 г. Вместе с тем, в названии документа предполагалось разграничение посетителей архивов на три основных категории, из которых первые две пользовались большими преимуществами в работе и доверием архивных служащих. Всего за период с 1920 по 1938 гг. советским архивным ведомством было издано 7 (!) нормативных документов (правил и инструкций), регламентирующих работу исследователей в читальных залах архивов. Сам факт, почти ежегодного обновления нормативно-правовой базы, регулировавшей данное направление деятельности советских архивных учреждений, говорит о том, насколько важное значение ему придавалось. В 1926 г. Центрархивом РСФСР был принят циркуляр, который предусматривал обязательную организацию читальных залов при всех государственных архивохранилищах страны и создание условий для работы посетителей в них. В правилах и анкетах, которые обязаны бы-

¹ Протокол № 6 Общего собрания Союза российских архивных деятелей (Зимний дворец, 13 мая 1917 г.) // ГАРФ, Ф. 7789, Оп. 1, Д. 1, Л. 44-45.

ли заполнять исследователи для получения допуска к работе в читальный зал архива, исследователи назывались «лицами, допускающимися к работе с архивными документами».

В ноябре 1945 г. приказом № 451 НКВД СССР была утверждена «Инструкция о порядке пользования документальными материалами ГАФ СССР в читальных залах государственных архивов СССР», где лица, работающие в читальных залах архивов, впервые называются «исследователями». Данные Правила распространяли свое действие только на советских граждан. Иностранные исследователи должны были получать разрешение для работы с архивными документами в МИДе. Кроме того, существовала довольно сложная процедура допуска в читальные залы, где на руки не выдавались архивные описи и не разрешалась работа с архивными каталогами. Большая часть архивных фондов находилась на секретном хранении и предполагала ограниченное использование даже в научных целях. Тем не менее, с этого времени творческая атмосфера в читальных залах архивов начинается заметно меняться и принимать более либеральные формы работы с пользователями.

Эпоха «политической оттепели» в СССР ознаменовалась для советских архивных учреждений значительными преобразованиями в сфере использования архивных документов, в том числе и в работе читальных залов архивов. 13 августа 1955 г. в тексте Инструкции, изданной ГАУ МВД СССР «о порядке пользования документальными материалами ГАФ СССР в читальных залах государственных архивов СССР» появилось «революционное» по своему содержанию положение о том, что «исследователям могут выдаваться все (!) документальные материалы, соответствующие теме исследования». Вместе с этим сохранялся так называемый «дифференцированный подход» к каждому исследователю. Однако, по личным заявлениям в читальные залы архивов стали более свободно допускаться такие категории посетителей как «пенсионеры», «краеведы», то есть «частные лица», не работающие по направлениям государственных организаций и учреждений и не пользующие особым доверием у администраций государственных архивов.

В 1960—1970-е годы в инструкциях и правилах работы в читальных залах государственных архивов СССР существенных изменений и дополнений в формулировках и наименованиях посетителей не происходит. Все они называются «исследователями». Более свободный режим работы в читальных залах советских архивов получают иностранные исследователи из стран «социалистического лагеря». Иностранцы из капиталистических стран получают право работать с архивными доку-

ментами исключительно в читальном зале, находящемся в Москве при Главархиве СССР по адресу Большая Пироговская, 17. Вместе с тем, в данный период наблюдается ужесточение режима допуска исследователей к работе с архивными документами в целом для всех пользователей архивной информацией, как отечественных, так и иностранных. Вводится негласная архивная цензура, контроль за темами научных разработок. В фондохранилищах страны значительная часть архивных материалов, как советского, так и дореволюционного периодов переводилась на режим «ограниченного доступа». Наиболее благоприятный режим работы в читальных залах создавался, как правило, для профессиональных исследователей, историков, известных ученых, профессоров, академиков, имеющих имя в науке.

Во второй половине XX в., в Западной Европе и в СССР появляется новый, массовый тип пользователя ретроспективной информации, для которого интерес к прошлому был обусловлен не обычными профессиональными интересами, а совершенно новым восприятием «ретроспективного пространства» как некоей иной реальности. Связанно это обстоятельно было со спецификой переживаемой эпохи во второй половине XX в. и активизацией процессов самоидентификации общества, происходящих, как правило «на рубеже времен». «Стремление разобраться в прошлом сделалось не только импульсом историка, но и подлинной потребностью — в том числе и эмоциональной — людей нашего времени»².

Данная тенденция была выявлена иностранными архивистами в рамках работы IX Международного совета архивов (МСА), который состоялся в Лондоне в 1980 г. Исследование по данной теме было опубликовано в докладе архивиста Лючии Принчипе, а также на страницах журнала «Советский архив». Как отмечалось в докладе Л. Принчипе, большинство графиков работы зарубежных (а также советских) архивов и их читальных залов было ориентировано на квалифицированных специалистов и научных работников, т.е. на «академический» тип исследователя. В то же время, среди посетителей архивов около 70 % составляли «неспециалисты» (!), а 65 % от общего числа посетителей оказались вообще случайными посетителями (!). В связи с этим, архивистами отдельно изучалась категория «случайных посетителей», тех, кто бывал в архивах не регулярно (или даже был там всего один раз) и, как правило, ограничивался поисками документов для личных целей. Основной интерес таких посетителей к архивам —

² Лотман Ю. М. Клио на распутье // Наше наследие. 1988. № 5. С. 1-4.

культурный или связан с простым любопытством. Среди посетителей архивов стран Западной Европы, преобладающее большинство составляли лица, имевшие возможность работать в архивах днем. Среди них основную категорию (ок. 30 % от общего числа посетителей архивов) составляли студенты. За студентами шли представители таких профессий, как журналисты, архитекторы, юристы и учителя, а также пенсионеры. Особую группу архивных посетителей составили домохозяйки. В свою очередь, служащие учреждений, рабочие предприятий и военные, т.е. те, кто работал по жесткому графику, составляли небольшое число посетителей. Однако, не смотря на то, что архивы на Западе все более превращались в своеобразные культурно — досуговые центры, западные архивисты не стремились проводить политику привлечения «простого (случайного) человека» к работе с документами своих архивов. В исследовании Л. Принчипе отмечалось, что «зачастую архивы колебались между крайними решениями: «культура для элиты» или «культура для всех». Либерализации доступа в архивы препятствовало законное опасение архивистов в том, что если позволить работать в архивах кому попало, это могло привести к невосполнимому ущербу для архивных записей»³. Во всех странах в 1960—70-х гг. наблюдалась общая тенденция — увеличение обращений в архивы «неспециалистов», которые работали с архивными документами в личных целях. В целом ряде стран отмечалась появление еще одной тенденции: расширение использования аудио- визуальной документации привело к увеличению числа исследователей-неспециалистов в архивах. В основном они проявляют к архивам частный интерес (генеалогические исследования) и посещают архивы 1—2 раза в год.

Эпоха «перестройки» и «гласности» в СССР ознаменовалась очередным обновлением правил работы исследователей в читальных залах государственных архивов СССР. 18 сентября 1989 г. коллегией Главархива СССР была одобрена новая редакция «Правил», в которых существенно упрощалась разрешительная процедура допуска к работе с архивными документами в читальных залах для отдельных категорий отечественных исследователей (студентов, пенсионеров, краеведов). Также в «Правилах» 1989 г. впервые предоставлялось право самостоятельной работы в читальных залах всех (!) государственных архивов СССР всем (!) иностранным исследователям.

Проблема физического доступа к архивным документам стала все более осознаваться отечественными архивистами как необходимость

³ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 3. Д. 3189. Л. 86, 86об.

эффективной организации работы читальных залов, создания соответствующей архивной инфраструктуры и более комфортной творческой атмосферы в архивах, прежде всего, для «рядового посетителя»⁴. С 1 января 1990 г. архивные учреждения страны приказом Главархива СССР переводились на новые условия хозяйствования с предоставлением им права самостоятельного заключения сделок с пользователями на изготовление и продажу микрофильмов и фотокопий архивных документов. Таким образом, создавались условия для развития системы отечественного информационного маркетинга в сфере предоставления архивных услуг и формирования нового типа архивного пользователя — активного потребителя ретроспективной документной информации.

И. Степанова,
(Национальный музей РК)

О РОЛИ СРЕДСТВ МУЗЕЙНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ИДЕНТИЧНОСТИ

Осознание большинством населения Карелии важной роли региона в российской и европейской истории, понимание особенностей территории, северной ментальности лежат в основе важнейшего для будущего края процесса региональной идентификации. Одним из центров, сосредоточивших в себе широкие возможности для реализации столь ответственной задачи, является Национальный музей Республики Карелия. С момента открытия за 2,5 года новую постоянную экспозицию музея в зданиях историко-архитектурного ансамбля на Круглой площади посетило уже более 200 тысяч человек. Большинство посетителей — это жители Карелии. И даже после неглубокого анализа становится ясно, насколько высоко влияние истории предков на формирование патриотического самосознания как у учащейся молодежи, так и у взрослой аудитории. Очевидно, что поиск идентичности через широкое распространение исторических знаний и осознание своих межпоколенных связей становится высокоэффективным с помощью потенциала музейной коммуникации.

Главным из таких средств является собственно музейная экспозиция как основная форма презентации историко-культурного наследия.

⁴ Правила работы исследователей в читальных залах государственных архивов СССР. М.: ГАУ при СМ СССР, 1990. 12 с.

На данный момент в экспозиции действует 16 залов, рассказывающих об уникальных особенностях нашего края, о его богатых ресурсах, археологических памятниках, истории и культуре с древнейших времен до начала XX в. В перспективе открытие комплекса этнографии и экспозиции истории XX в. Впервые за 30 лет (уже сменилось государство, выросло новое поколение!) в столице Карелии появилось целостное, логически и художественно выстроенное историко-культурное обозрение. Четыре тысячи сохраненных источников региональной материальной культуры; свободная от насаждаемой идеологии концепция; особое историко-культурное пространство создают новый, отличный от прежнего, позитивный образ Карелии.

Из общения с посетителями выявилось, что создают этот позитивный настрой такие выводы, как древность нашей истории (зачастую многие не имели представления о допетровской истории); самобытность древних карелов, их умения и мастерство, способность защищаться и побеждать; природное многообразие и богатства территории; и, главное, значительность исторической роли Карелии. Тот факт, что наш регион и его население с древности были включены в общие в Европой и Россией политические и экономические процессы, во многом влияли на их течение, постепенно становится достоянием общественного мнения и поводом для гордости за наше прошлое. Об этом рассказывает один из ключевых разделов экспозиции «Северное порубежье. Карелия в эпоху средневековья IX—XVII вв.». Именно в средневековье Корельская земля выделяется как центр региона, племя древней корелы формируется в народ, происходит расцвет древнекарельской культуры. И именно в этот период происходит разделение границами исконных территорий как важнейшего фактора, повлиявшего особым образом на всю дальнейшую историю Карелии вплоть до XX в. На драматическом «материале» средневековья возникает впечатляюще воздействующее общение с посетителем, которое порождает размышления, по сути, о главных вопросах идентификации. Ориентирующим здесь становится рассказ экскурсовода о взаимодействии карельского и русского народов в борьбе против шведской экспансии, о жизни разделенного границей народа, о сделанном им в свое время духовном выборе. У народа, как и у отдельного человека, через преодоление трудностей, лишений, через славные победы и достижения формируется характер.

В процессе музейного общения часто посредником выступает экскурсовод, роль которого как педагога возрастает в зависимости от личности, творческого подхода, уровня знаний и заинтересованности, вла-

дении речью и даже артистичности. К признакам высокого овладения профессией можно прибавить и понимание своей «сверхзадачи» — формирования патриотического сознания, гражданской позиции, чувства уважения и гордости за свою историю. Это тем более важно, что связи с введением регионального компонента в школьную программу музеев все больше становится опорной площадкой для преподавателей. Поэтому настоятельно необходимо постоянно повышать квалификацию, быть в курсе последних достижений исторической науки, теории культуры; расширять методологическую базу.

Для усиления восприятия в музее активно используются интерактивные технологии. На интерактивной площадке «Мы — корела!» и дети, и взрослые становятся активными участниками процесса познания. Используется извечное желание посетителя все потрогать своими руками, включаются не только визуальные, но и тактильные ощущения. Так, люди с удовольствием примеряют детали одежды, застегивая карельской фибулой плащ (совсем не так, как пуговицами!), надевают тяжелый металлический шлем, пробуют замахнуться мечом. Даже при условном погружении в среду, через соприкосновение с новодельными репликами, производя простейшие действия, происходит волшебный процесс освоения нематериального культурного наследия, формирующий чувство самобытности и преемственности, причастности к истории и традициям предков. В контексте экспозиции, с творческим потенциалом посредника — музейного педагога — интерактивные средства становятся все более увлекательными и популярными в музейной деятельности.

Еще одним интересным средством музейного общения становится реконструкция. Роль исторической реконструкции в актуализации истории и культуры чрезвычайно эффективна. Изучая предметы быта, инструменты, древние технологии, заинтересованный специалист способен восстановить забытые промыслы, ремесла, обычаи. Это сложный и кропотливый процесс обучения мастерству предков, но его результатом становятся яркие события в музее, среди которых — презентация лодки-однодревки, шитой сосновыми корнями; выпекание оладий с добавлением муки из сосновой коры; экспериментальная выгонка дегтя и смолы, и конечно, различные мастер-классы по древним женским умениям – вышивке, валянию и др. Часто музей обращается к членам клубов исторической реконструкции Петрозаводска, чтобы с их помощью создать живую модель исторического процесса. Восстанавливая хоть и не подлинную, но достоверную картину происходящего, такие действия очень запоминаются и вызывают живую реакцию у зрителей

– участников события. Средневековые сражения на мечах, демонстрация навыков владения оружием — одно из самых популярных зрелищ во время ежегодной акции Международной ночи музеев. Хочется отметить, что и среди самих участников подобных массовых мероприятий возникают позитивные эмоциональные впечатления, связанные с высоким уровнем взаимообмена, взаимодействия с музейной аудиторией. Такая форма работы — более «праздничная», приуроченная к акциям и событиям, но от этого впечатление от реконструированных моделей только усиливается.

Окрашенность эмоциями, аттрактивность, конкурентноспособность в досуговой сфере становятся в наше время необходимым условием для достижения целей образования. Это напрямую относится и к музейным учреждениям. Национальный музей творчески относится к работе с посетителями и постоянно разрабатывает новые программы и средства, среди которых и мультимедийные проекты, театрализованные представления, печатные средства и многое другое; рассказ об этом не ставился целью доклада.

Итак, сегодняшний музей выступает в роли хранителя памяти предков: он не только представляет сохранившиеся памятники материальной культуры, но изучает и актуализирует наследие. Используя комплекс различных средств, он способен через эмоциональное и культурное восприятие повлиять на мысли людей. Недаром в советское время — период, когда власть держалась на идеологии, музейные учреждения относились именно к этой сфере. В музейном пространстве концентрируются различные силы, влияющие на формирование ценностей и идеалов у современного многонационального населения Карелии, сближая их с историей и культурой народов, проживших здесь тысячелетие до нас. «Культура Карелии есть выражение региональной идентичности народов, проживающих на территории Республики Карелия, обусловленной природой, образом жизни, геосистемой, историей и отношениями с соседями. В ее основе — русская, карельская, вепская культуры, обладающие ценностным потенциалом и развивающиеся в русле своих этнических традиций»¹.

Несомненно, что освоение знаний по истории и культуры Карелии, понимание особенностей территории напрямую связаны с формированием региональной и этнической идентичности, воспитанием толерантности у жителей нашей республики. У музейной экспозиции

¹ Пивоев В. М. Этнос и нация: проблемы идентификации. Петрозаводск, 2006.

Национального музея РК есть все возможности для реализации этой задачи, и обществу надо их шире использовать.

Е. В. Дианова
(Петрозаводский университет)

КООПЕРАЦИЯ 1920-х гг. В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Советские писатели, создавая литературные произведения, где художественными средствами описывались основные моменты истории и жизни нашей страны, не могли обойти вниманием период нэпа и кооперацию 1920-х годов. При чтении романов писателей разных поколений отчетливо прослеживается различное понимание сущности многих исторических событий, влияние на их творчество политической ситуации в стране. У литераторов, особенно у тех, кто начал свое литературное творчество до 1956 года, в ходу были цитаты из речей И. В. Сталина. Исторические события они оценивали с точки зрения «Краткого курса истории ВКП(б)», написанного при участии И. В. Сталина и изданного в 1938 г. под редакцией комиссии ЦК ВКП(б).

Особенно влияние идеологических установок прослеживается в творчестве советского писателя Виталия Александровича Закруткина (1908-1984). В 1951 г. он стал лауреатом Сталинской премии третьей степени и в том же году, еще при жизни И.В. Сталина, приступил к созданию романа «Сотворение мира», и давать какую-либо иную политическую оценку исторических событий он не мог. В 1982 г. за роман «Сотворение мира» В. А. Закруткину была присуждена Государственная премия СССР.

Повествование в романе начинается с 1921 года, с введения нэпа. Нэп восстановил товарно-денежные отношения города и деревни, ярмарки, частную и кооперативную торговлю. В. А. Закруткину удалось отметить особенность рыночной ярмарочной торговли в начале нэпа и недостатки сельской кооперации 1920-х гг. Так, в романе говорится, что в базарные дни и на ярмарки по воскресеньям со всего уезда «съезжались сотни крестьян с зерном, овощами, всякой живностью», мужики также «привезли с собой мешки обесцененных денег; бойкие, предприимчивые нэпманы навезли мыла, гвоздей, соли, цветастого ситца». В это же время в сельские «кооперативные лавки вместо дегтя, гвоздей, мыла, керосина завозят одеколон, зонтики, какую-нибудь ни-

кому не нужную дребедень»¹. Многие кооперативные лавки предлагали кондитерские изделия, за что их справедливо называли «конфетными кооперативами». Следует сказать, что бедность и отсутствие самых необходимых товаров стало неотъемлемой чертой сельской потребительской кооперации, что неоднократно описывалось советскими писателями в послевоенный период.

В. А. Закруткин в романе «Сотворение мира» описал кризис сбыта 1923/24 г.: «Частные и кооперативные лавки на базарной площади ломались от разных товаров; там можно было купить все, что хочешь. И все же крестьяне были недовольны: цены на зерно падали с каждым днем все больше, а цены на товары росли». «Ежели так и дальше пойдет, сказал один крестьянин, — мы вовсе не станем продавать хлеб, а то чего получается: чтобы купить катушку ниток или же, скажем, железную лопату без держака. Мужик должен продать чуть ли не пуд пшеницы»².

Действительно, крестьяне все меньше вывозили хлеб на базар и в лавках почти ничего не покупали. « Это товар не по нашему карману, — говорили они хмуро, — нехай он сгниет, раз вы запрашиваете такую безбожную цену!» Зато в условиях кризиса сбыта частные торговцы быстро оценили положение и снижали цены на все товары. К примеру, один частный торговец «в окне своего магазина выставил ярко раскрашенный рекламный щит, на котором написал всего три слова: «Тут все дешево!» И крестьяне повалили к нему. Рядом «уныло пустовал длинный, как казарма», магазин потребительской кооперации. «Его широкая амбарная дверь была постоянно распахнута настежь, а толстый добродушный заведующий сидел у порога на опрокинутом ящике и, поплеывая, лузгал семечки»³.

Писатель справедливо подметил положение кооперации во время кризиса сбыта: народ отказался от кооперации, «все прут» к частнику. При этом заведующий кооперативной лавкой сетовал: «Из города каждую неделю идут к нам обозы с товарами, а их никто не берет. Мы уж весь склад забили кроватями, боронами, чем хотите. Подвал у нас до потолка завален материей, ее уже моль начала бить. И разве это только у нас? Такая же ерунда получается и в уезде, и в губернии. Вы пред-

¹ Закруткин В. А. Сотворение мира. Книга 1 // Закруткин В. А. Избранное: в 3 т. М., 1986. Т. 1. С. 178, 323.

² Там же. С. 269.

³ Там же. С. 270.

ставить себе не можете, какой это страшный убыток для государства!»⁴.

Как и полагалось, выход из кризиса был найден после визита ходочков к В. И. Ленину осенью 1923 г. Вождь выслушал рассказ о том, как живет народ, узнал, чем был недоволен мужик: «Люди в один голос говорят: хлеб, дескать, дешевый, а товары дорогие. Сапоги, скажем, купить, косу или паршивую катушку ниток, так пшенички надо продать в пять раз больше, чем этим товарам цена. Вот народ и жалуется: обижают, мол, деревню. А есть у нас по хуторам и такие, которые прямо говорят: Лучше мы зерно скотине скормим или в ямах его захороним, чем задарма заготовителям отдавать»⁵. Действительно, 2 ноября 1923 г. Ленин принимал делегацию рабочих Глуховской мануфактуры, которые привезли ему в подарок несколько саженцев вишни, вручили адреса от рабочих и управления фабрики, рассказали о ее работе, положении и настроении рабочих, деятельности партийной и профсоюзной организаций, но говорили ли они о кризисе сбыта, неизвестно.

В романе же говорится о том, что Ленин был возмущен политикой ВСНХ, который давал хозяйственникам директивы с требованием: «Вышибайте побольше прибыли от продажи промышленных товаров, повышайте цены сколько влезет». Ленин считал, что «нэпманский лозунг чиновников из ВСНХ о безудержном повышении цен на товары в конечном счете может привести к сужению базы промышленного производства, кризису сбыта и подрыву индустрии»⁶.

При анализе текста выяснилось, что в речь В. И. Ленина была вставлена точная цитата из «Краткого курса истории ВКП(б)»: «Налицо было резкое расхождение между ценами на промышленные товары и продукты сельского хозяйства. Вдобавок ко всему троцкист Пятаков, сидевший тогда в ВСНХ, дал преступную директиву хозяйственникам — вышибать побольше прибыли от продажи промтоваров, повышать безудержно цены, якобы для развития индустрии. На самом деле этот нэпманский лозунг мог привести лишь к сужению базы промышленного производства и подрыву индустрии»⁷.

Дальнейшее знакомство с романом подтверждает приверженность автора принципу партийности в литературе, которая обнаруживается в изложении исторических событий с четких идеологических позиций

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 323.

⁶ Там же.

⁷ История ВКП(б): Краткий курс [Электронный ресурс].— Режим доступа: <http://communist-party.narod.ru/>

«Краткого курса истории ВКП(б)». Это и разоблачение правой оппозиции Бухарина — Рыкова — Томского, и приклеивание политических ярлыков защитникам крестьянства типа «правый», «бухаринец», «подкулачник» и даже «эсер». Вместе с тем Закруткин не смог покривить душой в отношении имевшихся среди крестьян тревожных слухов о сплошной коллективизации, все их опасения были отданы на откуп некоторым представителям старой земской интеллигенции, только они и могли сказать, что «коллективизация — это никем еще не проверенный эксперимент, осуществляемый, к сожалению, в общегосударственном масштабе»⁸.

Кроме того, они выступили еще и защитниками трудового крестьянского хозяйства, где главным стимулом является «стремление крестьянина быть полным, абсолютным хозяином всего, что выращено им на его участке земли». А «при коллективном ведении хозяйства этот единственный стимул начисто уничтожается. Член артели уже не пользуется плодами лично своего труда, он получает только то, что произвели он сам плюс его товарищи-колхозники, из которых трое больных, пятеро старых, а пятнадцать лодырей. А отсюда и результат артельного труда, почти равный нулю». Фактически, это был сжатый пересказ основных идей книги А. В. Чайнова «Организация крестьянского хозяйства». Он предлагал план «кооперативной коллективизации», переход к крупному аграрному производству путем постепенно добровольного кооперирования крестьянства.

Как и следовало ожидать, этот человек, который осмелился вслух высказать сомнение относительно колхозов, и открыто встал на защиту крестьян, был арестован работниками ОГПУ. Ему было предъявлено обвинение в принадлежности к тайной «Трудовой крестьянской партии». Сейчас известно, что обвинения в принадлежности к этой партии были частью сфабрикованных дел в отношении неугодных сталинскому режиму политических, общественных и научных деятелей. В романе упоминается «Трудовая крестьянская партия», но ее члены не называются, потому что они сами и их труды были вычеркнуты из официальной истории. По «делу Трудовой крестьянской партии» были арестованы заместитель Наркома земледелия СССР А. Г. Берзин, экономисты Н. Д. Кондратьев, Л. Н. Литошенко, А. В. Чайнов.

Все страницы романа «Сотворение мира», посвященные советской деревне 1920-х гг., были художественным пересказом «Краткого курса

⁸ Закруткин В. А. Сотворение мира. Кн. 2 // Закруткин В. А. Избранное в трех томах. М., 1986. Т. 2. С. 423, 424.

истории ВКП(б)». Идеологические установки, которыми насыщено литературное произведение, укладывались в простую формулу: не кооперация, а коллективизация была объявлена столбовой дорогой к социализму, а «сплошная коллективизация означала, таким образом, ликвидацию кулачества»⁹. За политическим лозунгами была скрыта историческая правда, подлинная судьба и трагедия народа.

Совершенно по-иному представлена история крестьянства накануне «великого перелома» в романе В. И. Белова «Кануны». Русский писатель Василий Иванович Белов (1932-2012) — один из крупнейших представителей «деревенской прозы», в своих книгах он обращался к описанию северной деревни. Среди них выделяется роман-хроника конца 1920-х гг. «Кануны» о жизни доколхозной северной деревни перед коллективизацией. Роман «Кануны» создавался в период с 1972 по 1987 г. и в нем отразился интерес к истории кооперации в период Перестройки.

В романе «Кануны» дается краткая справка по истории российской кооперации: «Кооперативное движение, начатое земствами сразу после реформ, графу Витте не удалось остановить. Даже и прижатое к ногтю, оно широко и быстро разлилось по всей России. В 1904 г. Николай Второй подписал уложение об учреждении мелкого кредита. Тогда, словно грибы после дождя, начали расти городские и сельские кооперативные общества. (Еще в 1870 году в селе Ошта Олонецкой губернии открылось первое сельское общество.) в 1912 г. был создан Московский Народный банк, общий баланс которого к весне восемнадцатого года достиг 719 миллионов рублей. Только за осень 1914 г. и одного льна было продано за границу на 20 миллионов. Паевой капитал одного лишь Сибирского союза маслоартелей, превышал 2,5 миллиона рублей». «Однако подписанный Лениным закон от 20 марта 1918 г., давший широкие простор русской кооперации, был почти сразу же отменен. А вскоре кооперативные средства, собранные за многие годы, начали изыматься государством, и Отто Юльевич Шмидт, руководивший тогда всем кооперативным делом, уже ратовал за его полное подчинение государству»¹⁰.

В эти сведения по советскому периоду закралась неточность. Во-первых, кооперативный закон, давший широкие права кооперации, был принят Временным правительством 20 марта 1917 г.; во-вторых, Ленин

⁹ История ВКП(б). Краткий курс [Электронный ресурс].— Режим доступа: <http://communist-party.narod.ru/>

¹⁰ Белов В. И. Кануны. Петрозаводск, 1989. С. 392.

подписал декрет «О потребительских кооперативных организациях» от 10 апреля 1918 г., который урезал права кооперации, так что ее огосударствление подмечено правильно. Стоит только удивляться, как верно схвачено и охарактеризовано положение кооперации в первые годы Советской власти: «Союзы кооператоров то и дело перетряхивались, переименовывались и чистились от чужого элемента. Но масло и лен, кожи и шерсть, зерно и картошка государству нужны были, как и раньше»¹¹. Интересно, что роман «Кануны» был опубликован в 1987 г., до выхода Закона «О кооперации в СССР» от 26 мая 1988 г., который стал сигналом к переосмыслению кооперации и ленинского кооперативного плана.

В романе «Кануны» упоминаются Вологодский союз потребительских обществ и разные виды сельских кооперативов: кредитные товарищества, потребительское общество, маслодельные артели. В конце 1920-х гг. очень актуальным был вопрос о социальном составе кооперации. На местах осуществлялись проверка кооперативных кадров, выявление кулацкого элемента и зажиточных крестьян, занимавших руководящие должности в кооперативах, и массовая чистка кооперативного аппарата. В. И. Белов показал предвзятое отношение работников ОГПУ к кооперации и А. В. Чаянову, коснулся вопроса, кого считать кулаком. Один из его героев председатель Ольховского ВИКа заявил: «Нельзя стричь всю страну под одну гребенку. Одно дело Сибирь, другое дело наша губерния (Вологодская — *Е. Д.*). У нас если у крестьянина три коровы да лошадь, мы его напрямик в кулаки. А там? Там с тремя коровами он самый натуральный бедняк. Выходит, что тебе велят бить не кулака, а самую что ни на есть бедноту». Необходимо было действовать с особой осторожностью, не злоупотреблять «левыми лозунгами»: «Развернуть работу с беднотой!», «Усилить внимание к деревне, ударить по кулаку!»¹².

В то же время автор словами своих героев стремился выразить идею о том, что по кулаку «ленинский кооперативный план бьет намного верней и надежней, чем все эти левые лозунги»¹³. И для доказательства он обратился к ленинской статье «О кооперации» и привел цитату из этой статьи: «Собственно говоря, нам осталось только одно: сделать наше население настолько “цивилизованным”, чтобы оно получало все выгоды от поголовного участия в кооперации и наладило это

¹¹ Там же. С. 393.

¹² Там же. С. 282.

¹³ Там же.

участие. Только это. Никакие другие премудрости нам не нужны теперь для того, чтобы перейти к социализму. Поэтому нашим правилом должно быть: как можно меньше мудрствования и как можно меньше выкрутас»¹⁴.

В. И. Белову удалось показать, что сплошная коллективизация сельского хозяйства ничего общего с кооперацией не имела. Поначалу крестьяне не понимали особой разницы между кооперативом и колхозом, спрашивали: «Для чего нужно было создавать какой-то новый колхоз, ежели у нас он есть и не один?» Колхозом они называли маслодельную артель, в которой участвовали почти все жители деревни, «и не первый год, и выходить вроде никто не собирается». Крестьяне были озадачены, когда видели действия властей: «Вон уж и прибирают к рукам маслоартель, говорят, засел чужой элемент, и кредитному товариществу каюк пришел». Непонимание вызывало свертывание и других кооперативов: «Разве кредитка-то против социализму? Ну а машинное товарищество? А потребилровка? Да все мужики, все хозяйства поголовно в потребилровке, и взносы не силом платим»¹⁵.

Когда в народе пошли слухи о том, что «каперацию закрывают», что «все отымут, всех в коммуну загоняют», «бухгалтер Ольховского отделения маслоартели вначале только дивился и недоумевал: зачем сворачивать кредитное дело? Для чего душить во младенчестве машинные товарищества и ТОЗы — этих младенцев, рано или поздно выросших бы в крепких здоровяков производственного кооперирования? Почему понадобились какие-то совсем новые колхозы? Ведь все и так вроде бы шло по Ленину. Кооператоры не только сбывали деревенский продукт, но и торговали городскими товарами, распространяли среди крестьян не только передовые агротехнические и животноводческие знания, но и культуру вообще, занимаясь издательской, просветительской и даже музыкальной деятельностью»¹⁶.

В. И. Белов в романе «Кануны» показал, как в конце 1920-х годов происходило уничтожение кооперативов: в Ольховской маслодельной артели местный фанатик изъял ключи от сейфа, документы и денежные средства, а имущество артели было передано в фонд нового колхоза, куда принимали только бедняков. Писателю удалось разоблачить демагогический план подмены кооператива колхозом или сельскохозяй-

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. М., 1970. Т. 45. С. 372.

¹⁵ Там же. С. 334, 358.

¹⁶ Там же. С. 372, 393.

ственной артелью, не имеющей ничего общего с настоящей кооперацией.

Таким образом, в произведениях, созданных в 1930-1950-е гг., история страны и важные события в жизни народа подавались в редакции «Краткого курса истории ВКП(б)». Появление в литературе писателей-деревенщиков позволило показать подлинную неприкрашенную народную жизнь. В то же время положение доколхозной деревни и процесс коллективизации долго замалчивались. Во второй половине 1980-х годов в романах В. И. Белова было сказано о том, что коллективизация не была столбовой дорогой к социализму; что нельзя отождествлять колхозы, созданные путем принуждения и экспроприации собственности раскулаченных крестьян, с добровольными кооперативными объединениями, в основе которых лежит трудовое крестьянское хозяйство.

Л. Б. Денисова
(Кольский филиал ПетрГУ)

СААМЫ КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Саамы — малочисленный финно-угорский народ, коренной народ Северной Европы. Скандинавы и русские называли их «лопари», «лопляне» или «лопь», от этого наименования происходит название Лапландия (Лаппония, Лаппоника), то есть «земля лопарей».

Территория расселения саамов протянулась с востока на запад более чем на полторы тысячи километров — от восточной оконечности Кольского полуострова через север Финляндии и Норвегии до центральной части Скандинавского полуострова. Саамы живут в Норвегии, России, Финляндии, Швеции, а также в Северной Америке и, в небольшом количестве, на Украине.

Общая численность саамов — от 60 до 80 тысяч человек, из которых в Норвегии проживает от 40 до 60 тысяч, в Швеции — от 15 до 25 тысяч, в Финляндии — от 6 до 8 тысяч, в России — две тысячи человек.

Основными занятиями саамов в зависимости от территории обитания той или иной группы и природных условий являлись оленеводство, рыболовство, морская и сухопутная охота.

В XIX — начале XX вв. саамы вели полукочевой образ жизни, совершая небольшие по протяженности сезонные перекочевки.

У западных Кольских саамов (нотозерских, бабинских, екоостровских) ведущую роль играло озерно-речное рыболовство, у северо-западных (пазрецких, печенгских, мотовских) — морское рыболовство. В конце XVIII — начале XX вв. около 70 % взрослого саамского населения занималось промыслом трески. У восточных саамов значительную роль играло оленеводство, дополняемое промыслом семги. В XIX в. каменные саамы охотились на дикого оленя. Все саамы охотились на крупных (лось, волк) и мелких животных, птиц.

Традиционная одежда саамов приспособлена в первую очередь для длительного пребывания на открытом воздухе, что связано с традиционным полукочевым образом жизни. Наиболее известные виды традиционной одежды: гакти — традиционная верхняя наплечная одежда у саамов, живущих в Норвегии и Финляндии; юпа — традиционная верхняя суконная одежда у саамов, живущих на Кольском полуострове; печок — верхняя зимняя глухая одежда со стоячим воротником, сшитая из двух оленьих шкур мехом наружу; торк — зимняя одежда, сшитая мехом внутрь.

Поселениями саамов до начала XX в. являлись погосты. С декабря по март-апрель саамы жили в зимних погостах, где находились богатые ягелем уголья, а в другой период года расходились по промысловым участкам группами родственных семей (западные группы) или перекечевывали к летним погостам всей общиной (восточные группы).

Зимние погосты располагались во внутренних районах Кольского полуострова, на границе тундры и леса, на берегу водоема. Через 20—30 лет, после истощения пастбищ и охотничьих угодий, место погоста переносилось.

Традиционное зимнее саамское жилище вежа представляло собой бревенчатую постройку в форме четырех- или шестигранной усеченной пирамиды высотой 2,5 м и площадью 3х3 м с дымовым отверстием вверху. Остов вежи покрывали оленьими шкурами или плотной тканью, а сверху клали кору, хворост, дерн. В центре жилища устраивали каменный очаг, пол покрывали оленьими шкурами. Вход был обращен к югу.

С XIX в. вежу начинает вытеснять тупа (пырт) — срубная постройка площадью 12—13 кв. м, высотой 2 м, с одним-двумя небольшими окнами и плоской, покрытой землей с дерном, крышей. В углу у входной двери устраивался очаг — камелек из обмазанные глиной камней. Появляется простейшая мебель.

Во время перекеченок использовалась переносное жилище — кувакса. Оно имело конусообразный каркас из нескольких шестов, со-

единенных вершинами, на который натягивали чехол из оленьих шкур, из бересты или из парусины. В центре куваксы раскладывался костер.

В жилище обычно обитали одна или две семьи. Напротив входа находилось наиболее почетное, так называемое чистое место.

Зимой основной пищей саамов было оленье мясо. Для предохранения от цинги употребляли мороженое мясо и свежую оленью кровь. Чаще мясо жарили, вялили варили, добавляя в похлебку муку, ягоды. Первое жидкое блюдо варили из куропаток Долгое время ритуальной пищей считалось медвежье мясо.

Летом основу пищевого рациона составляла рыба, прежде всего озерная (щука, сиг, налим, окунь и др.). Ее варили, жарили, вялили. От русских саамы научились запекать рыбу в тесте.

Традиционные верования саамов, как и у многих других североазиатских народов, представляли собой прежде всего промысловый культ — почитание различных духов, являющихся хозяевами различных традиционных промыслов или явлений природы. Одно из отличий верований саамов от верований большинства сибирских народов — существование культа предков.

Религия современных саамов — большей частью лютеранство (в том числе лестадианство); среди части саамского населения распространено православие.

Фольклор саамов представлен мифами, сказками, преданиями, импровизированными песнями; включает сказки («майнс»): для детей, о Тале (глупом людоеде), о равках (вурдалаках), о чаклях (карликах). Распространены сказки-легенды о явлениях и объектах природы, мифы («ловта»), например об олене-человеке Мяндаше. Исторические предания («сакки») повествуют о войнах, о примечательных горах, водных объектах. Известны также бывальщины («бойса») и импровизации («муштоллы»).

Известные российские саамские поэты и писатели — колтта-саами Аскольд Бажанов, тер-саами Октябрина Воронова и кильдин-саами Александра Антонова.

Национальный флаг саамов был утвержден в 1986 г. на Конференции северных саамов; четыре цвета флага (красный, синий, зеленый и желтый) — цвета гакти, традиционного саамского костюма, круг отражает форму саамского бубна и символизирует солнце и луну. Национальный гимн саамов — положенное на музыку стихотворение норвежского школьного учителя и политического деятеля Исака Сабы (1875—1921). В 1986 г. на Саамской конференции стихотворение было принято в качестве национального саамского гимна, а в 1992 г. на оче-

редной Саамской конференции была одобрена музыка гимна, написанная композитором Arne Sorli.

Саамы относятся к коренным народам — то есть к таким народам, которые обитали на своих землях до формирования существующих государственных границ, до прихода туда переселенцев из других мест. Саамы выполняют и другие требования, по которым народ может быть отнесен к коренному: саамское население само считает себя коренным народом, а также имеет социальные, экономические, культурные и другие институты, делающие данный народ отличающимся от другого населения, обитающего на этой же или на соседних территориях. Национальные символы саамов.

Саамы Кольского полуострова представляют собой совершенно самостоятельную этнографическую группу, которую называют Кольскими саамами (лопарями). Их можно отнести к четвертому типу, определяющемуся сочетанием оленеводства, рыболовства и охоты и полукочевым, а последние десятилетия оседлым образом жизни.

Древняя история лопарей в настоящее время изучена еще недостаточно. Археологические раскопки, проводившиеся на территории Кольского полуострова, главным образом на его северном побережье и отчасти в южных районах, привели к открытию целого ряда стоянок, характеризующих деятельность человека в этих местах в разные периоды его истории.

В России наблюдаются некоторые положительные моменты, связанные с существованием саамов как самобытного народа со своей особой культурой. Статус саамов как коренного народа закреплён в Уставе Мурманской области, в селе Ловозеро (центре культурной жизни российских саамов) работает Музей истории, культуры и быта Кольских саамов, осуществляет вещание Кольское саамское радио, действует Саамский национальный культурный центр, проводятся различные саамские праздники и фестивали, в том числе международные.

Международный день саамов отмечается 6 февраля. Именно в этот день в 1917 г. в норвежском городе Тронхейм состоялось первое саамское собрание, когда норвежские и шведские саамы объединились несмотря на государственные границы для решения общих проблем.

Решение о праздновании было принято в 1992 г. на 15-й конференции Союза саамов, объединяющего представителей этой национальности на всей территории Скандинавии и Кольского полуострова. Праздник отмечается в Норвегии, Швеции, Финляндии и в Мурманской области Российской Федерации, где компактно проживает саамское население.

В селе Ловозеро до настоящего времени сохраняются традиции празднования Дня коренных народов севера, Дня рыбака, оленевода, Праздника Севера. Гулянья обычно организуются на улице, на природе. Участники наряжаются в национальные саамские костюмы, устраивают чумы, разводят костры, организуют национальные саамские игры и танцы для детей и взрослых. На таких праздниках можно пообщаться к культуре северного народа: попробовать национальную кухню саамов, услышать песни на саамском языке, на ярмарке приобрести сувениры.

А. Г. Саморукова
(Кольский научный центр АН РАН)

«СВОЕ» И «ЧУЖОЕ» В МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ КОЛЬСКИХ СААМОВ

Традиционная культура саамов, коренных жителей Кольского полуострова, отличалась большим своеобразием. На формирование материальной культуры, помимо природной среды значительное влияние оказали межэтнические контакты саамов с русскими, карелами, финнами, коми-ижемцами и ненцами на более поздних этапах.

Русское влияние на культуру саамов началось с XII в., когда новгородцы начали хозяйственное освоение края. Существенные изменения в этническом составе Кольского края и в его традиционной культуре произошли в конце XIX в. и были связаны с приходом коми-ижемцев со своими стадами оленей.

Влияние коми-ижемцев оказалось значительным. Они имели сходные, но гораздо более развитые, по сравнению с кольскими саамами, хозяйственно-культурные традиции, что позволило им за короткий промежуток времени оказать сильное воздействие на многие сферы жизнедеятельности саамов, начиная от оленеводства, транспорта, и заканчивая сменой традиционного зимнего костюма.

Продолжительное время у саамов господствующими были традиционные жилища, при этом обращает на себя внимание многообразие видов жилищ. Одна из главных причин этого - подвижный образ жизни коренных жителей, их полукочевой образ жизни. Собираясь в путь, в отличие от других кочевников, при перекочевках саамы не берут с собой своего жилища. На различных местах района кочевков у них были

построены жилища, избы или вежи, в которых они проводили известное время года.

В области традиционных жилищ изменения наметились в середине XIX в., когда в результате контактов русских и саамов, повсеместное распространение получила срубная постройка. У наиболее зажиточных саамов уже в конце XIX в. в зимних погостах появились русские избы с двускатными тесовыми крышами, которые состояли обычно из двух половин: избы с русской печью и тупы с камельком.

Вследствие того, что селения саамов были разбросаны редкими островками на обширных территориях, они требовали многочисленных и разнообразных способов и средств передвижения для связи между ними.

При переходах на большие расстояния, когда приходилось брать с собой много вещей, саамы везли свой груз и маленьких детей на вьючных или ташечных оленях, для чего использовали вьючное седло.

Летом передвигались по воде на лодках. Отличительной чертой саамских лодок — основного и очень давнего летнего средства передвижения — была большая легкость, позволявшая при необходимости без труда переносить их на себе.

В это же время был распространен еще один вид лодок, заимствованный, по-видимому, от русского населения. Это т. н. карбас — довольно большая, 2-х или 4-х – весельная килевая лодка с выдолбленным из целого дерева днищем и нашивными бортами, подобные лодки обычно использовались для плавания по озерам.

Старинными средствами передвижения были лыжи, помимо этого они представляли очень важную деталь снаряжения саама-охотника. Были распространены две основные разновидности лыж.

В древности и, по-видимому, еще в конце XIX в. был распространен и третий вид лыж — т. н. непарные лыжи, состоящие из левой длинной голицы обычно из березового дерева и правой короткой, подшитой мехом к'алги, которая служила для более сильного отталкивания. Непарные лыжи употреблялись во время охоты и кроме саамов, подобные лыжи были известны также у скандинавов, финнов, карел, эстонцев.

В то же время важнейшее место среди транспортных средств этого периода занимал олений транспорт как упряжный, так и вьючный. Упряжное оленеводство кольских саамов развивалось, по всей вероятности, на местной почве, вследствие этого оно отличалось своеобразием и представляло собой особый тип среди аналогичных средств передвижения. Продолжительное время единственной формой саней, применяемых саамами в оленьих упряжках, была кережа. Оригинальная

оленья упряжка, которая не встречалась ни у каких других народов Севера, состояла обычно из одного оленя, запряженного в однополосные, бескопильные сани — керезу и представляла собой нечто среднее между лодкой и лыжами. Кроме легковой или ездовой керезы были и грузовые керезы, которые по своей конструкции не отличались, но были значительно больших размеров и с более низкой спинкой или совсем без нее. Груз, уложенный на такую керезу, закрывали брезентом и зашнуровывали веревками, которые продевали через специальные отверстия в бортах саней. Олень, запряженный в керезу, мог везти не более 100 кг груза.

С конца XIX в., с переселением коми-ижемцев кольские саамы все чаще начали использовать в оленьей упряжке вместо ездовой керезы заимствованную высокую косокопильную нарту самоедского типа. В нее впрягали веерообразно 3 или 4 оленя, а при особенно далеких поездках и 5.

Одежда и обувь кольских саамов были весьма практичны и вполне приспособлены к суровым условиям климата, хозяйственной деятельности и бытовой обстановке. Характерной чертой традиционного костюма саамов была его комплексность.

Основным видом верхней плечевой одежды, как мужчин, так и женщин был печок — глухая одежда из оленьих шкур, обычно темно-коричневого цвета. Но при этом печок имел существенное отличие от глухой одежды других северных народов, а именно, печок шили мехом наружу.

С приходом на Кольский полуостров ненцев и коми-ижемцев, началось проникновение в традиционную саамскую одежду и обувь ижемско-самоедских элементов. В одежде это выразилось в распространении у саамов малицы с капюшоном, маличной рубахи и некоторых видов обуви. Особенно этот процесс усилился с начала XX в. Малица и пимы получали все большее распространение, пока окончательно не вытеснили саамскую традиционную меховую одежду печок и яры.

«СВОЕ» И «ЧУЖОЕ» В ОБРЯДАХ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА КОЛЬСКИХ СААМОВ

В конце XIX в. обычной для саамов была простая малая семья. Особенности образа жизни и быта саамов в условиях суровой северной природы и промыслового хозяйства были таковы, что семья большую часть времени проводила на своих семейных промысловых участках, вне общения с другими семьями погоста. Специфика этих условий определяла положение каждого из супругов, их взаимоотношения, обязанности, вследствие чего семейная жизнь строилась на равноправных началах. Полукочевой образ жизни саамов, необходимость оказывать друг другу помощь обуславливала и положение каждого из супругов в семье, и их работы на пользу семье.

Свадьба. В конце XIX— начале XX вв. вопрос о браке своих детей могли решать родители, вместе с тем большинство браков устраивалось в результате взаимной симпатии молодых людей. Считалось, что ко времени заключения брака молодые люди должны иметь определенные хозяйственные навыки. Оригинальным в браке саамов было: церемониальный выкуп за невесту, свадебные пиршества и уход невесты в семью жениха. Наряду с этим наблюдались пережитки более ранних брачных отношений, к ним относились уход жениха в дом невесты и отработка женихом за жену в доме тестя в течение года.

Свадебный обряд саамов имел много вариантов, все зависело от местности, где заключался брак, и праздновалась свадьба. В одних случаях чувствовалось сильное влияние русских, в других — это влияние было незначительным. Несмотря на эти различия в разных местностях, свадебные ритуалы обязательно включали сватовство, «смотренье» или «рукобитье» и венчание. Решающее значение имело рукобитье, после чего брак считался заключенным, и молодая переходила в дом к мужу.

В тех случаях, когда жених был из отдаленного погоста, рукобитье происходило в день сватовства, иногда рукобитье откладывали до следующего прихода сватов. После рукобитья до свадьбы проходило от одной—двух недель до нескольких месяцев. Хотя саамы и знали, что венчание является необходимым условием для законности брака, но если церкви не было вблизи, то венчание откладывалось. Брак вступал в силу не после венчания, а до него.

Жених должен был приготовить к свадьбе довольно дорогие подарки родственникам невесты. Подарки состояли из оленей, мехов, различных предметов и украшений из серебра, денег и имели значение выкупа невесты. В некоторых случаях плата за невесту выражалась в службе ее отцу в течение года.

Приданое невесты состояло из оленей, одежды, оленьих шкур — постелей, предметов домашнего обихода. В XIX в. обычай выкупа постепенно исчезает и сменяется простым одариванием невесты.

Свадебный пир по традиции устраивали в доме невесты. На столе обычно в изобилии была хорошая еда: разными способами приготовленное оленье мясо, олени языки, грудинка, а также рыба, в том числе лососевых пород. Из напитков — чай, водка. В XIX—XX вв. саамы уже не придерживались обычая, по которому молодой муж должен год отрабатывать в доме тестя. После свадьбы и венчания молодые жили в доме тестя еще несколько дней, а затем переселялись в собственное жилище.

Молодая семья отделялась от отцовской вскоре после женитьбы сына. Родительское имущество делилось по количеству мужчин в семье, причем отцовскую долю наследовал младший сын. Дочерям выделялось только приданое. Таким образом, имущество молодой семьи складывалось из надела отделившегося сына и приданого невесты. Как только молодая семья выходила из-под родительского крова, она уже была вполне самостоятельна во всей своей деятельности, и во внутренней жизни, и в кочевых передвижениях.

Рождение и воспитание детей. Важным событием в жизни саамской семьи являлось рождение ребенка. Как и вступление в брак, оно также было обставлено разного рода обрядами. Одни из них носили чисто прагматический характер, другие имели религиозно-магическую окраску охранительной практики. В родильном обряде саамы соблюдали определенные правила гигиены и проводили различные магические действия, направленные на благополучный исход родов.

Важным вопросом при появлении ребенка в семье был вопрос о его крещении. Если ребенок родился зимой, когда семья жила в зимнем погосте, где была церковь, то крестили довольно скоро, через три-шесть недель. Если ребенок рождался весной или летом на промысловых местах, то крещение происходило только через несколько месяцев. Ребенка могли крестить как в церкви, так и дома. Во время крещения священник давал ребенку христианское имя. Однако потом родители могли поменять это имя на саамское, принадлежавшее какому-нибудь уважаемому предку.

Вскоре после рождения родственники делали новорожденному подарки. От отца новорожденный получал в подарок важенку, а от матери — овцу. Животных метили тамгой, и они вместе с будущим приплодом становились его собственностью. Сын получал этих животных в случае раздела семьи, а дочь — при выходе замуж. Существенную роль в начальном периоде жизни ребенка у саамов играли суеверия, связанные с различными магическими действиями, направленными на защиту новорожденного от злых духов

Погребальный обряд. Саамы хоронили умерших на кладбищах, которые возникли, вероятно, в конце XVI — начале XVII вв. с появлением у них погостов. Несмотря на определенные отличия, погребальный обряд кольских саамов можно считать единым. Места для кладбищ саамы предпочитали выбирать на высоких, сухих местах, чаще всего на островах, за рекой, ручьем и т. п. — «за водой», т. к. вода считалась надежной преградой, препятствующей возвращению умершего в мир живых.

Стимулом для развития погребальной обрядности служили религиозные представления. В погребальном обряде совершенно отчетливо прослеживались черты, связанные с дохристианскими верованиями. Это оставление на могиле инвентаря, пищи, захоронения в стороне от основного кладбища людей, умерших неестественной смертью, захоронение гроба без покойника и др.

А. Дроздюк
(Петрозаводский университет)

«СВОЕ» И «ЧУЖОЕ» В КОЛОНИЗАЦИОННОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА МУРМАНСКОМ БЕРЕГУ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX вв.

Во второй половине XIX века русская общественность и правительственные круги были озабочены проблемой заселения Мурманского берега. Подходя с позиций потребления природных богатств и экономического развития Архангельской губернии и России в целом, передовые общественные и политические деятели видели в территории Мурманского берега источник благосостояния России.

По мнению норвежского профессора Й. П. Нильсена, русские правительственные и передовые общественные круги были разделены на два лагеря: с одной стороны — прозападнически настроенные, такие,

как например Генеральный Консул в Норвегии Генрих Адольф Мехелин. По мнению Мехелина, «...норвежская колонизация, процветая у берегов Варангерского залива, простирается, однако, не далее пределов России, вследствие воспрещения нашим законодательством водворения у нас норвежцев... Принимая в соображение настоящее положение прилегающей к Финмаркену русской Лапландии, нельзя не пожелать лучших результатов в отношении успеха и развития... этой местности»¹. С другой стороны — пророссийски настроенные круги во главе влиятельным государственным деятелем, а в дальнейшем главным идеологом панславизма Н. Я. Данилевским. По мнению Данилевского, Мехелин был сильно подвержен норвежскому влиянию. «Сравнение Мурмана и Норвегии было ошибкой, поскольку условия были глубоко различны, например, относительно возможности вербовки на океанские промыслы»². Таким образом, начавшееся в середине XIX в. противостояние с переменным успехом продолжалось более чем полвека. Однако, в условиях Русского Севера ни одна, ни вторая идея не могли быть применены, как показала практика, в чистом виде.

Так, в 1860 г. норвежцам было позволено заселить Мурманский берег с правом беспошлинной торговли. Основной замысел этого предприятия заключался в том, чтобы норвежцы, поселившись на Мурманском берегу, показали поморам, как правильно освоить «колдунскую» землю. По словам губернатора Архангельской губернии Н. А. Качалова, льготы, предоставленные колонистам послужили источником многих злоупотреблений: «К крайнему моему сожалению, я успел заметить, что столь важное дело, как заселение Мурманского берега норвежцами велось крайне небрежно и бездействие местной полиции проявилось во всей своей силе. По собранным мною и подтвержденным фактами сведениям оказалось, что норвежцы до последнего времени, т. е. до посещения мною Мурманского берега, являлись сюда и селились в занятых ими местах без всякого разрешения со стороны начальства. Большинство считавшихся здесь поселившимися норвежцев являлись на Мурман летом, для производства торговли разного рода, преимущественно же ромом, затем они отправлялись обратно в Норвегию, будучи таким образом, лишь номинальными колонистами, имев-

¹ Давыдов Р. А. Генрих Адольф Мехелин и некоторые аспекты его деятельности в должности Российского генерального консула в Норвегии (1850 — 1869) // Шведско-Норвежское консульство в Архангельске и Русский Север в российско-норвежских отношениях XIX — начала XX вв. Архангельск, 2011. С. 68.

² Nielsen J. P. The Murman Coast and Russian northern policy // In the north my nest is made. Studies in the History of Murman Colonization 1860–1940. St. Petersburg, 2006. С. 18.

шими ввиду не образование русских колоний, но сбыт товаров русским промышленникам»³. Такова, по выражению В. Н. Семенковича «благотельная колонизация цивилизованных наших соседей»⁴.

Не имела длительных последствий и идея Данилевского, согласно которой, рыболовство на Мурмане могло процветать, если бы спрос на рыбу увеличился на внутреннем рынке, а для этого нужно было улучшить коммуникации между Архангельском и Вятским уездом. В таком случае нет необходимости строить город на Мурмане и конкурировать с городами северной Норвегии. Однако, открытие, благодаря стараниям А. П. Энгельгардта, в 1897 году Московско-Ярославо-Архангельской железной дороги не улучшило состояние Мурманских рыбных промыслов.

Тем не менее, следует отметить, что равнение на соседнюю северную Норвегию не всегда имело отрицательные последствия. Так, Архангельский губернатор А. П. Энгельгардт опираясь на опыт Северной Норвегии, где уже к 1870 г. телеграфная линия соединяла все побережье Финмарка, обосновал необходимость проведения телеграфной линии на Кольский полуостров. Одной из причин медленной колонизации мурманского берега и медленного развития рыбных промыслов Энгельгардт видел в отсутствии «возможно быстрых сношений, как между отдельными промысловыми пунктами, так и с главными центрами сбыта предметов промысла»⁵. Необходимость постройки телеграфной линии аргументируется тем, что рыба приплывает не всегда к одним и тем же местам. Этот факт приводит к следующей ситуации: в одних местах промышленники перегружены и у них не хватает ни сил, ни средств для лова, когда как в других — промышленники сидят без дела. Но телеграф, как показала практика, остается бессмысленным новшеством, пока рыбопромышленники используют традиционные суда и орудия лова, наличие телеграфной связи на руку скупщикам рыбы, которые договариваются между собой о цене. Сила традиционной культуры и нежелание что-либо менять, явилось, на мой взгляд, определяющим фактором недостаточного развития Мурманского берега. Немаловажную роль сыграла и изолированность Мурмана от остальной части Империи.

³ Давыдов Р. А. Там же. С. 71-72.

⁴ Семенкович В. Н. Север России в военно-морском и коммерческом отношениях // Издание журнала «Русское обозрение». М. 1894. С. 93.

⁵ Энгельгардт А. П. Русский Север. Путевые записки. СПб., 1897. С. 17.

Таким образом, колонизация велась в двух направлениях: во-первых, это использование норвежских поселенцев в целях развития Мурманского берега, во-вторых, меры по улучшению жизнедеятельности сезонных рыбопромышленников и постоянных поселенцев

Итогом, на мой взгляд, является осознание того, что колонизацию Мурманского берега невозможно осуществить по подобию соседней Северной Норвегии, ввиду изолированности Мурманского берега от остальной части Российской Империи большую часть года. Морское сообщение оставалось к концу XIX в. единственным способом достигнуть Мурманского берега, а Белое море, как известно, большую часть года находится подо льдом. Невозможным также оказалось и развитие промыслов путем расширения внутренних рынков сбыта, поскольку в данном случае рост промыслов мог быть обеспечен только увеличением количества задействованных рыбопромышленников. Также, улучшение условий жизнедеятельности колонистов и рыбопромышленников не могли иметь больших последствий, поскольку наталкивались на традиции и обычаи поморов, и нежелание их к переменам.

Итоговым манифестом в споре о развитии Мурманского берега стала статья Н. А. Шаврова «О развитии Севера России»⁶, написанная 1 сентября 1881 года и сохранившаяся в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) в г. Москва. Автор считает неотделимыми как минимум две меры: «заселение и охрана берега», которые «не могут быть приняты отдельно одна от другой, но требуют совокупного и одновременного их осуществления»⁷. Отсюда следует, что основной задачей является строительство не только укрепленного порта, но и военных кораблей, присутствие которых обезопасит поселенцев от экономического давления норвежских рыбопромышленников. Второй немаловажный вывод состоит в том, что «море и торговля – вот два основных источника для существования здесь населения, а потому, судостроение, судохозяство, мореходство, морские промыслы и рыболовство на Северном Океане — должны составлять главные занятия жителей»⁸. Однако, эти виды деятельности не могут развиваться должным образом, пока порт находится в изоляции от остальной части Империи. Таким образом, автор приходит к идее соединения северного порта с Москвой путем строительства железной дороги,

⁶ Шавров Н. А. О развитии Севера России // РГАЛИ. Ф. 1571. Оп. 1. Ед. хр. 3067. 1881. 29 л.

⁷ Там же. Л. 2 об.

⁸ Там же. Л. 5.

пророчески называя направление: «Наиболее выгодное направление линии было бы от Москвы на Лодейное поле, Петрозаводск, Сумский Посад, Кемь, Колу...»⁹

Таким образом, многочисленные попытки колонизации Мурманского берега привели к осознанию наиболее приемлемого самобытного пути развития, однако для воплощения идеи в жизнь понадобилось ни одно десятилетие.

Е. В. Сыченкова
(Мурманский филиал РАНХиГС)

ОБРАЗ СОСЕДА НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ

Восприятие образа соседа зависит от многих причин: деятельность институтов содействия контактам, политические симпатии, знакомство с культурой и языком, продолжительность пребывания в стране.

С начала 90-х годов возможности для непосредственного знакомства с Россией и русскими у жителей стран Северной Европы и аналогичного процесса встреч россиян с жизнью в соседних странах увеличились. Изменилось качество взаимных связей, включая развитие приграничного сотрудничества. Появились новые институты международного регионального сотрудничества. Приграничные регионы Северо-Запада России — Республика Карелия, Архангельская область, Мурманская область — стали активными участниками развития контактов с соседними регионами-участниками Баренцева регионального совета.

Для иллюстрации формирования восприятия можно воспользоваться мнением российских жителей относительно европейского зарубежья в целом, понимая, что на его часть — Северные страны Европы — такое отношение распространяется в значительной мере. По данным опроса, представленного в исследовании «Социальная стратификация современного российского общества», отмечается, что из опрошенных 15200 человек отметили, что Запад в его отношениях с Россией является партнером, ищущим своей выгоды 49,1% респондентов, Запад является соперником и конкурентом — 15,3%, потенциальным противником — 11,6%, относится к нам равнодушно — 11,2%, является добро-

⁹ Там же. Л. 5.

желательным партнером — 5,9%¹. Таким образом, 55% всех, принявших участие в опросе выразили, в целом, позитивное отношение к развитым странам с точки зрения оценки осуществления партнерских отношений в измерении «Россия — Запад».

Российские исследователи выделяют невысокие показатели личного опыта знакомства с европейской жизнью у россиян. Так, например, на вопрос «Как Вы познакомились с явлениями европейской жизни и культуры» были даны такие ответы: посетили одну из европейских стран — 4,5% опрошенных в 2002 г. и 4,4% опрошенных в 2007 г. Такая ситуация характерна и в отношении посещения европейских стран, и стран Севера Европы. При этом по числу выездов россиян в страны Северной Европы лидером является Финляндия². Интересным представляется взгляд и на динамику за аналогичный период показателя числа выездов в Россию североευропейцев³.

Страна	Выезды россиян в указанные страны, тыс. чел			Выезды в Россию из указанных стран, тыс. чел		
	2008	2007	2006	2008	2007	2006
Норвегия	79,2	76,7	73,9	56,9	47,1	48
Финляндия	3 182,2	2 797,9	2341,1	1 000,2	975,6	1078
Швеция	54,4	49,4	48	59,6	61	64

По официальным данным⁴, в 2008 г. через Стурскуг/Борисоглебск, который является единственным пунктом пересечения норвежско-российской сухопутной границы, проследовало 18,3 тыс. норвежцев против 19,7 тыс. в 2007 г., число российских граждан, пересекающих границу в 2008 и 2007 гг. — по 64 тыс. человек. Число пересечений российско-норвежской границы здесь достигло 109 тысяч в 2009 году и 140 тысяч в 2010 г.⁵

¹ Реальная Россия: Социальная стратификация современного российского общества. М., 2006. С. 607.

² [Электронный ресурс].— Режим доступа: [http://russiatourism.ru/rubriki/-112414046; http://russiatourism.ru/files/analiz-2006.doc](http://russiatourism.ru/rubriki/-112414046;http://russiatourism.ru/files/analiz-2006.doc) (01.12.2009).

³ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://russiatourism.ru/rubriki/-1124140461> (01.12.2009).

⁴ [Электронный ресурс].— Режим доступа: http://www.politi.no/portal/page?_pageid=34,49015&_dad=portal&_schema=PORTAL&orgUnitId=1851&fpimg=12521.JPG (01.12.2009).

⁵ [Электронный ресурс].— Режим доступа: <http://www.barentsobserver.com/en/sections/borders/68-million-people-crossed-finnish-russian-border/>

Таким образом, сложился определенный уровень мобильности, связанный с пересечением границы, жителями России и североευропейских стран. Произошло ли в условиях активизации связей изменение восприятия русского соседа? Специалисты отмечают важную особенность: наблюдается асимметрия в восприятии скандинавов русскими и в восприятии русских в странах Северной Европы.

Поскольку Норвегия, Финляндия и Швеция имели длительный период развития в рамках одного — шведского — государства, то может быть корректным обращение к источнику, содержащему обширный фактологический материал, но основанный преимущественно на шведских реалиях. В работе профессора института истории РАН О. В. Чернышовой «Шведы и русские. Образ соседа» аргументировано отмечается, что в значительной степени негативный образ русских, зафиксированный в шведской литературе, газетных статьях, быту не всегда имеет под собой объяснимое основание. В свою очередь, благожелательное конструирование образа шведов также не всегда обосновано у русских⁶.

Опыт развития сотрудничества с Российской Федерацией в постсоветский период привел к тому, что, как отмечается российскими исследователями, «политпсихологические представления о российском имидже стали адекватнее, хотя и полны противоречий»⁷. Так, образ современной России, доминирующий в финском обществе, в основных чертах многое унаследовал от восприятия финнами СССР времен холодной войны⁸. Шведским партнерам угроза зачастую представляется с точки зрения возможной миграции, инфекционных заболеваний, экологических катастроф. В условиях экономической нестабильности мировой экономики, ведущей к росту безработицы, риски возможного миграционного давления на рынок труда, действительно могут вызывать беспокойство. Однако, жители российского приграничья не выражают такого уровня заинтересованности в соседнем рынке труда, который мог бы вызывать опасение.

Результаты опроса (2010 г.), представленного в *Varents Review 2012* указывают на более низкий уровень мобильности среди людей, живущих в ближайшем приграничье по сравнению с людьми в районах,

⁶ Чернышева О. В. Шведы и русские: образ соседа. М., 2004. С. 5.

⁷ Воронов К. В. Восприятие России на Севере Европы: знаки времени // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 10. С. 75.

⁸ Новикова И. Н., Дроздова Е. В. Образ России и европеизация финско-российских отношений // Сотрудничество России и стран Европы в социально-гуманитарной сфере: конец XX—начало XXI вв.: сборник научных статей. Мурманск, 2011. С. 79-80.

расположенных дальше от границы. Респонденты из Печенгского района, граничащего с Норвегией и Финляндией, имеют меньший опыт приграничных поездок, чем респонденты из Мурманска, но те и другие достаточно близки в понимании желания работать в соседней стране⁹: Так в Финляндии были 29,7% мурманчан и 7% жителей Печенгского района, в Норвегии — соответственно 35,7% и 27,7%. Желание поработать в Норвегии выразили 34,4% жителей Мурманска и 30% жителей приграничного района из 600 опрошенных.

Развитие трансграничных связей необходимо для формирования пояса добрососедства и открытости. Новый этап поддержки сотрудничества на Европейском Севере связан с запуском программы ИЕСП-ПС, состоящей из пяти программ трансграничного сотрудничества между Россией и Европейским Союзом с бюджетом 437 млн. евро на период до 2013 года¹⁰. Для Баренцева региона представляет интерес программа Коларктик. Финансирование проектов, выбранных на конкурсной основе с использованием строгих и объективных оценочных процедур, впервые осуществляется из бюджета, в котором российская сторона выступает равноправным финансовым партнером.

В условиях глобализации создание ментальных образов, их влияние на международную политику, по мнению российских ученых, усиливается¹¹. Таким образом, содействие формированию адекватного современным реалиям образа соседа это важная работа в настоящем и будущем развитии приграничного сотрудничества на Европейском Севере.

⁹ Barents Borders. Delimitation and internalization // Barents Review. 2012. P. 108-112. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.barentsinfo.org/?show-location=e853e19d-9f3b-44b2-b7ec-fc96cc9619b8&newsID=18f1d1be-5142-4319-93eb-472bc51d6dbd/>

¹⁰ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://europa.eu/rapid/pressReleasesAction.do?Reference=IP/09/1727&format=HTML&aged=0&language=EN&guiLanguage=en> (25.11.2009).

¹¹ Следзевский И. В. Ментальные образы в международных сопоставлениях и моделирование глобального будущего // Общественные науки и современность. 2008. № 4. С. 70.

CONTENTS

Pivoev V. M. The deformation of identity of Russians

Summary: The article examines the reasons and conditions of change of traditional identity of Russians and outlines the perspectives for restoration of positive qualities.

Key words: identification, deformation, condition, tradition.

Suzy V. N. The ideocracy and crisis of identity

Summary: The article reveals the problem of mystical and ontological bases of interaction between the Church and the Empire; it discloses the conditionality of these historical realities in cultural space and time.

Key words: the Church and the Empire, Russia and Europe, despotism and republic, servility and independence, East and West, totalitarianism and freedom, culture and history, space and time, papotsezarizm and caesaropapism.

Voronin D. I. “Logos” and “melos” in philosophy: opposites or unity?

Summary: The report presents an alternative analysis and synthesis of opposing rational-logical and figurative-art tools used in an ideological discourse of different stages of the development of philosophy and music.

Keywords: logos, melos, form, concept, image, music.

Lukashevich M. V. The conception of synergic anthropology by S. S. Khoruzhiy: “bodily” and “spiritual”.

Summary: The problem of interaction of human and divine energies is considered in the report as a basis of “deification” of a man in Orthodox Christianity.

Keywords: anthropology, synergy, bodily, spiritual, Hesychasm.

A. E. Strukova: Once again on the «alien» as «friends» in the world of fiction

Summary: This article analyzes the ways to removal basic folk and fairy opposition «his / alien» in fiction. Special attention is paid to the folklore mythological characters and their literary transformation on the example of Lukyanenko and T. Jansson.

Keywords: fairy tale, fantasy, folklore mythological story.

Ioffe E. Y. Fairy-tale elements in the early works of Strugatskys’: “our” and “aliens”.

Summary: The article addresses the key issue for science fiction — the problem of contact and “progressorship” that is in terms of folklore the opposition between “ours” and “aliens” in the early works of Strugatsky.

Keywords: fairy-tale paradigm, folklore elements, science-fiction, Strugatsky.

Mikhailova L. V. Symbols of Russian North in philosophy of cosmism

Summary: This article is the result of investigation of cultural space of Russian North, its influence on the forming of religious-philosophic thought in Russia. Ontology of Russian North expressed with symbols of the Earth-bound life is represented in creative works of cosmists-philosophers as reflection of multimeasured space, as Cosmos as extraterrestrial reality.

Keywords: Russian North, cultural space, religious-philosophic thought, symbol, Ontology, Cosmos

Pekina A. M. New Valaam

Summary: This paper is about the tragic destiny of Valaam and about of revival the monastery. Although legend has it that the Monastery of Valamo was founded in the 12th century, the most recent research suggest that the dates from the 14th century. New Valamo or New Valaam (Finnish: Uusi Valamo, or simply Finnish: Valamon luostari) is an Orthodox monastery in Heinävesi, Finland. The monastery was established in its present location in 1940. Having received evacuees from the Konevsky (Konevitsa) and Pechenga (Petsamo) monasteries, it is now the only monastery for men of the Finnish Orthodox Church. New Valaam is open to all, who are interested in the Orthodox faith and culture. Lake Ladoga, New Valamo, the old main building of Papinniemi, an archbishop, orthodox, the temple, the church, an icon, the monk, the trudnik, the Orthodox Church museum of Finland in Kuopio, the Valamo collection of landscape paintings, a church vestments, the manuscript, a sacramental vessels, the monastery’s Cultural Centre, the valuable artefacts .

Keywords: monastery, temple, orthodox church, icon, monk, trudnik, museum.

Shilova N. L. On visions in “Severnaya Fivaida” by Victor Pulkin

Summary: This article reveals the visions in the “Severnaya Fivaida” (1993–2008) by the historian and writer Victor Pulkin, mostly in two plots of St.

Alexander Svirsky and St. Iona Klimetsky (Klimenetsky). Visionary episodes are compared with their origins and the main changes are discussed.

Key words: visions, agiography, Severnaya Fivaida, Victor Pulkin, St. Alexander Svirsky, St. Iona Klimetsky (Klimenetsky).

Markova N. V. "The Circle of North Songs" by V. Agapitov in linguistic aspect

Summary: The paper is devoted to rare experience of local literature. It deals with some phonetic, morphologic and lexical features of poem and concludes that Agapitov successfully used one of the famous north-west dialects in his lyrical verse.

Key words: the experience of dialect literature; local dialect; local fiction; phonetic, morphologic and lexical features of poem.

Nilova O. K. The category of "visuality" in the history of late icon-painting in Karelia

Summary: Abstracts are devoted to one of the aspects of the study of the history of painting from the late position of archeology of visuality. The considered examples are of the religious painting of the XVII—XVIII centuries.

Keywords: archeology of visuality, semantic code, icon painting.

Urvantseva N. G. Precedential texts in student folklore

Summary: The article examines the functions of precedential texts in the youth speech in the XX—XXI centuries. It reveals the sources of precedential texts (literary works, films, pop songs, TV programs, advertisements, etc.).

Key words: student folklore, students, precedential text, nomination.

Dianova E. V. Cooperation of the 1920s in the works of the Soviet writers

Abstract: The article speaks about cooperation in the Soviet fiction. The mode of personal authority and political processes had a great impact on the views of the writers in the USSR, in this case Stalinism and Reorganization. Through the example of the work "World creation" by V. A. Zakrutkina and "Eves" by V. I. Belova the author shows the various attitude to cooperation and cooperative movement, created under the influence of these phenomena.

Key words: cooperation, cooperative movement of the 1920s, Soviet pre-kolkhoz village, rural prose.

Filimonchik S. N. The role of regional archives in the preservation of Karelian cultural heritage during 1920—1930s.

Summary: The article discusses the process of state archives' formation in Karelia during 1920s—1930s as well as their work on recording and preservation of documents as the objects of cultural memory.

Keywords: archive, document, assets, exhibition, reference library.

Kovchinskaya S. G. Is the visitor in the archive «our» or «alien»? (From the history of the rules of work of researchers in the reading rooms of the state archives in 1920—1991)

Summary: The article considers questions of the transformation of the admission of researchers to the reading rooms of the state archives of the USSR in the 1920s – 1991 on the basis of the analysis of departmental archive instructions, rules of work in the archives and documents of the SARF.

Keywords: The state archives of the USSR, the rules of work of researchers in reading rooms of archives, the form of use of retrospective information, access to the archives, typology of archival users.

Stepanova I. On the role of museum communication media in forming of identity.

Summary: The report considers museum exposition as the main form of presenting historical-cultural heritage and as a means of forming the identity of a modern man.

Keywords: exposition, presentation, identity, cultural heritage, museum.

Denisova L. B. Sami of the Kola Peninsula.

Summary: The report gives a general characteristic of Sami, living at the Kola Peninsula, of their customs, beliefs, way of life and holidays.

Keywords: Sami, lop, religion, beliefs, holidays..

Samorukova A. G. “Own” and “alien” in the material culture of the Kola Sami

Summary: The paper shows the originality of the Kola Sami's traditional culture. It also reveals the peculiarities formed during different chronological periods of life and at different stages of the ethnic history of the people.

Key words: traditional culture, economic-and-cultural traditions, interethnic contacts.

Kartvelishvili T. A. "Own" and "alien" in the rites of the Kola Sami's life circle

Summary: The article distinguishes the peculiarities of the mode of life in the Sami family, being formed for centuries and determined by the specificity of their economic life, which determined the status of husband and wife in the family, their interrelations and duties.

Key words: ceremonial rites, generally accepted and regulated ceremonies and customs, magical effects.

Drozdyuk A. "Our" and "alien" in the colonization policy of the Russian Empire on the Murmansk coast of the second half of the XIX — early XX centuries.

Summary: The article deals with the problems of colonization and development of the Murmansk coast in the second half of the XIX — early XX centuries. The author examined the results of colonization, as well as projects and measures to modernize the Murmansk region.

Key words: colonization, Murmansk coast, fishing industry, Arkhangelsk Province, modernization.

Sychenkova E. V. The image of a neighbor in the European North

Summary: The author of the paper considers that the perception of the image of a neighbor depends on many factors: the activity of institutions to facilitate contacts, political sympathies, knowledge about the culture and language, the experience of staying in the country. The author notes that in the context of globalization creation of mental images and their impact on foreign policy, according to Russian scientists, is amplified. Promoting a fair and adequate way to modern realities the image of a neighbor is important work in the present and the future of cross-border cooperation in the European North.

Key words: the image of a neighbor, international cooperation, border region, European North.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
©Пивоев В. М. Деформация идентичности россиян	4
©Сузи В. Н. Идеократия и кризис идентичности	7
©Воронин Д. И. «Логос» и «мелос» в философии: противоположности или единство?	10
©Лукашевич М. В. Концепция синергичной антропологии С. С. Хоружего: «телесное» и «духовное»	12
©Михайлова Л. В. Символы Русского Севера в философии космизма	15
©Пекина А. М. Новый Валаам	19
©Шилова Н. Л. Видения в «Северной Фиваиде» Виктора Пулькина	24
©Струкова А. Е. Еще раз о «чужих» как «своих» в мире фантастики	27
©Июффе Е. Ю. Фольклорно-сказочные элементы в раннем творчестве А. И. Стругацких: «свои» и «чужие»	30
©Маркова Н. В. Круг «Северных песен» В. Агапитова: лингвистический аспект	33
©Урванцева Н. Г. Прецедентные тексты в студенческом фольклоре	35
©Нилова О. К. Категория «визуальности» применительно к истории поздней иконописи Карелии	37
©Филимончик С. Н. Роль региональных архивов в сохранении культурного наследия Карелии в 1920—1930-е гг.	40
©Ковчинская С. Г. Посетитель в архиве — «свой» или «чужой»? (из истории правил работы исследователей в читальных залах государственных архивов 1920-1991 гг.)	46
©Степанова И. О роли средств музейной коммуникации в формировании идентичности	51
©Дианова Е. В. Кооперация 1920-х гг. в произведениях советских писателей	55
©Денисова Л. Б. Саамы Кольского полуострова	62
©Саморукова А. Г. «Свое» и «чужое» в материальной культуре кольских саамов	66
©Картвелишвили Т. А. «Свое» и «чужое» в обрядах жизненного цикла кольских саамов	68

©Дроздюк А. «Свое» и «чужое» в колонизационной политике Российской империи на Мурманском берегу второй поло- вины XIX — начала XX в.	71
©Сыченкова Е. В. Образ соседа на Европейском Севере	74
Contents	80

Научное издание

**«СВОЕ» И «ЧУЖОЕ» В КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ
ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА**

Материалы 9-й Межвузовской региональной научной конференции

Сборник издается в авторской редакции

Компьютерная верстка и оформление обложки *В. М. Пивоева*

Подписано в печать 25.02.13. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Уч.-изд. л. 5,5. Тираж 100 экз. Изд. № ____

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Отпечатано в типографии Издательства ПетрГУ
185910, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33